

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

ДЕЛО № 4173/К
ФАЙЛ: 03.04 – 06.04

ПРОПАВШИЕ ДАННЫЕ

03.04

04.04

05.04

06.04

Три дня, которые ТЫ СКРЫЛ

ТАИСИЯ ЛОГОВСКАЯ

18+

Таисия Логовская

Три дня, которые ты скрыл

<https://litres.ru/74606947>

SelfPub; 2026

Аннотация

Единственный мужчина, которому Арине Лавровой хочется верить, руководит компанией, которую она расследует.

В государственном реестре не оказалось восемнадцатой версии программы медицинского комплекса. Проверка приводит Арину к делу её отца — инженера, чью карьеру и репутацию разрушили десять лет назад. До решающей сделки остаётся всё меньше времени, а кто-то уже пытается остановить расследование.

Максим Корнеев мог бы закрыться за юристами. Вместо этого он открывает независимую проверку, не требует назвать источник и не вмешивается в будущую статью. Чем больше Арина узнаёт его, тем сильнее хочет быть рядом с ним. Хотя именно ему она не имеет права верить на слово.

А затем выясняется: полгода назад Максим задержал тревожный сигнал на семьдесят два часа. И не рассказал ей об этом.

В её статье будет и его имя. Вот только Арина всё ещё помнит, как он спросил разрешения поцеловать её — и как трудно оказалось сказать себе «нет».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	45
Глава 5	60
Глава 6	76
Глава 7	90
Глава 8	106
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Таисия Логовская

Три дня, которые ты скрыл

Глава 1

Арина

Кофемашина в коридоре редакции каждое утро издавала один и тот же жалобный скрежет, словно перемалывала не кофейные зерна, а старые канцелярские скрепки. Я стояла у пластикового подоконника, грея ладони о картонный стаканчик, и смотрела, как за серым стеклом медленно просыпается Москва. Октябрь выдался промозглым, асфальт внизу блестел от ночной мороси, а в редакционном пространстве пахло влажными пальто, вчерашней пиццей и типографской краской свежих сигнальных номеров.

— Лаврова, ты спишь стоя? — окликнул меня из-за перегородки дежурный бильд-редактор Костя. — Твой текст по городским закупкам ушел на вычитку. Морозова сказала, если к обеду не снимешь с юристов два спорных абзаца про поставщиков шприцев, она сама их вырежет. Без наркоза.

— Уже сняла, — ответила я, отпивая глоток теплой горькой жижи. — Там осталась только сухая арифметика. Пусть попробуют оспорить таблицу умножения.

Я вернулась к своему столу в дальнем углу отдела рассле-

дований. На моем мониторе висел закрытый файл утреннего материала — две недели кропотливой, пыльной и совершенно бесславной рутины. Проверка контрактов, сопоставление ИНН однодневок, три звонка в пресс-службу департамента, откуда прислали дежурные отписки. Обычная репортерская поденщина, которая оплачивала аренду квартиры на Шаболовке и держала меня на плаву, но от которой к концу каждого месяца сводило челюсти от тоски.

Я уже потянулась к мышке, чтобы закрыть почтовый клиент и уйти на законный получасовой перерыв, когда в правом нижнем углу экрана всплыло уведомление.

Письмо упало в специальный защищенный ящик для анонимных обращений. В «Линии факта» этот канал существовал пять лет, и в девяноста девяти случаях из ста туда прилетал откровенный мусор: жалобы жильцов на шумных соседей, обиды уволенных бухгалтеров, готовых оклеветать бывшее начальство за задержку премии, или конспирологические теории о тайных опытах над погодой.

Но это письмо отличалось.

Никаких восклицательных знаков. Никаких обвинений в адрес мирового зла и требований немедленно напечатать правду крупным шрифтом.

В строке темы стояло лишь короткое название: «Линия-М».

В теле сообщения — одна-единственная фраза, написанная сухим языком человека, привыкшего к регламентам:

«Посмотрите государственную регистрацию и калибровочные таблицы комплекса. Сверьте с открытым реестром за шестнадцатый год. Там не сходятся даты».

И вложенная ссылка на архив.

Я замерла, не убирая палец с тачпада. Горячий пластик ноутбука едва слышно гудел под ладонью.

«Линия-М».

Это название знала любая медицинская редакция в стране. Флагманский аппаратный комплекс для ранней лабораторной и биохимической диагностики, гордость отечественного медтеха, созданный компанией «Веритас Мед». Десять лет назад их генеральный директор улыбался с обложек профильного глянца, а государство закупало эти станции десятками для федеральных клинических центров. Надежный, точный, закрывающий потребности региональных больниц в скрининге тяжелых патологий на доклинической стадии.

Я не верила анонимкам. Любое письмо без обратного адреса в нашей профессии — это либо провокация конкурентов, желающих чужими руками сбросить акции соперника перед торгами, либо тонко подброшенная дезинформация, за которой следует разорительный иск и публичный позор издания.

Но ссылка была зашифрована профессионально. Никаких подозрительных расширений, чистый массив данных.

Я перебросила входящий пакет на рабочий изолированный диск, предназначенный для потенциально токсичных

входящих, запустила внутреннюю проверку на вредоносные скрипты и только после зеленого сигнала распаковала папку.

Внутри лежали несколько десятков файлов: таблицы первичной поверки датчиков, сканы технических паспортов, протоколы заводских испытаний и длинные перечни системных обновлений программного обеспечения.

Метаданные были вычищены с педантичной аккуратностью. Тот, кто собирал этот архив, отлично понимал, как работают цифровые следы: ни имени учетной записи, создавшей документы, ни серийных номеров сканеров, ни отметок геолокации. Только чистый текст, цифры и графики.

Я открыла браузер и вывела на соседний экран официальный открытый реестр медицинских изделий и оборудования.

Это была моя привычка, доведенная до автоматизма за семь лет в отделе расследований: никогда не спорить с чужими эмоциями, пока не проверены официальные данные. Люди могут врать из страха, корысти или мести. Государственные реестры тоже ошибаются, но их ошибки всегда оставляют твердый след — бюрократический рубец, который невозможно стереть без следа.

Я вбила в поисковую строку реестра регистрационное удостоверение комплекса «Линия-М».

Система выдала стандартную карточку. Дата первичной сертификации, наименование держателя регистрационного удостоверения — акционерное общество «Веритас Мед», класс потенциального риска применения, перечень компо-

нентов.

Дальше шла история внесения изменений в техническую документацию. Существенные изменения программного обеспечения медицинского прибора такого класса, если они затрагивают безопасность или точность измерений, должны оставлять след в регистрационном досье: описание изменения, обоснование и результаты проверки.

Я положила перед собой открытый блокнот, взяла простую гелевую ручку и начала выписывать номера и даты.

Версия четырнадцать — ноябрь четырнадцатого года. Рутинная оптимизация интерфейса оператора. Версия пятнадцать — июнь пятнадцатого года. Обновление протокола передачи данных в лабораторные сети. Версия шестнадцать — январь шестнадцатого года. Калибровка оптических датчиков третьего поколения. Версия семнадцать — апрель шестнадцатого года. Коррекция пределов допустимой погрешности при фотометрическом анализе сыворотки.

А дальше шла следующая запись.

Я моргнула, решив, что строчки на экране просто слиплись от усталости. Потерла переносицу, наклонилась ближе к монитору, почти касаясь стеклянной панели.

Запись под номером пять в журнале изменений датировалась декабрём шестнадцатого года. И в ней значилась версия девятнадцать.

Я замерла. Сердце глухо толкнулось о ребра, выбившись из привычного спокойного ритма.

Я снова перевела взгляд на таблицу. Четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать. Семнадцать. Девятнадцать.

Между апрелем и декабрем шестнадцатого года зияла пустота длиной в восемь месяцев. Целых восемь месяцев, в течение которых огромная производственная компания, выпускающая тысячи диагностических станций по всей стране, словно забыла порядковый счет.

Сам по себе пропуск номера еще ничего не доказывал: промежуточный релиз могли отменить, объединить с другим или вовсе не выводить за пределы разработки. Но в регистрационной истории между семнадцатой и девятнадцатой версиями не было следа изменения калибровок. Если внутри компании восемнадцатая сборка действительно существовала и меняла чувствительность прибора, эта пустота становилась проверяемой несостыковкой, а не странностью нумерации.

Я открыла файлы из анонимного архива. Быстро пролистала папки, переходя от общих спецификаций к инженерным журналам заводских сборок. Пальцы на клавиатуре двигались быстро, почти машинально.

Вот он. Внутренний файл заводской калибровки за июль шестнадцатого года. В шапке документа черным по белому значилось: комплекс диагностический «Линия-М», программное обеспечение, версия 18.02. Ниже шла таблица калибровочных коэффициентов. И строчка примечания: «Пороговые значения оптической плотности скорректированы

в соответствии с протоколом внутренней ревизии. Чувствительность сенсора снижена на двенадцать процентов для исключения ложноположительных срабатываний».

Снижена на двенадцать процентов.

У меня похолодели кончики пальцев. Я не была врачом и не собиралась ставить диагноз по одной заводской таблице. Но смысл был понятен: снижение чувствительности ради уменьшения ложноположительных срабатываний могло повысить риск ложноотрицательных результатов на пограничных значениях. Насколько этот риск был реальным для пациентов, еще предстояло доказать на валидационных данных.

И эта версия существовала на заводе. Ее собирали. Ее тестировали. Но в государственном реестре ее не было. Вместо нее в декабре того же года появилась версия девятнадцать — с совершенно другими, гладкими и красивыми пояснительными записками, где о двенадцатипроцентном сдвиге чувствительности не упоминалось ни единым словом.

Восемнадцатая версия словно растворилась между заводским цехом и кабинетами чиновников. Ее стерли, перешагнули через нее, как через ненужную ступеньку, сделав вид, что от семнадцати сразу перешли к девятнадцати.

Я закрыла архив, глубоко вдохнула спертый воздух ньюсрума и поднялась из-за стола. Ноги были ватными, но в голове звенела ледяная, абсолютная ясность.

Кабинет главного редактора Елены Морозовой находился в глубине коридора за двойной звукоизолирующей стек-

лянной стеной. Елена сидела за массивным столом из светлого ясеня, заваленным распечатками полос, и быстро правила текст красным капиллярным фломастером. Ей было сорок три, у нее были жесткие серо-стальные глаза, короткая стрижка и безупречная репутация человека, который за десять лет руководства изданием не проиграл ни одного диффамационного процесса.

Я постучала костяшками пальцев о стеклянную створку и, не дожидаясь ответа, вошла внутрь.

— Если ты пришла защищать шприцы, Лаврова, то зря, — не поднимая головы от листа, бросила Елена. — Я убрала твой пассаж про картельный сговор. Косвенных улик мало, а их генеральный только и ждет повода завалить нас исками о защите деловой репутации.

— Я не по шприцам, — спокойно сказала я, закрывая за собой дверь. Щелчок замка отсек гул редакции.

Елена наконец оторвала взгляд от распечатки. Ее брови чуть сдвинулись к переносице — она слишком хорошо знала этот мой тон.

— Что там?

Я положила перед ней свой рабочий планшет с открытой страницей государственного реестра и блокнот, где аккуратным столбиком были выписаны номера релизов и даты.

— Это «Линия-М». Производство «Веритас Мед».

Елена даже не прикоснулась к планшету. Она откинулась на спинку кожаного кресла и сложила руки на груди.

— Арина, ты в своем уме? «Веритас Мед» — крупнейший игрок на рынке клинической аппаратуры. У них сейчас идет закрытый процесс подготовки к масштабной инвестиционной сделке, совет директоров дышит через раз, половина их станций стоит в национальных центрах. Если мы просто чихнем в их сторону без железобетонных оснований, нас закатают в асфальт еще до того, как номер пойдет в печать. Откуда это?

— С анонимного ящика. Час назад.

Лицо Елены стало абсолютно непроницаемым.

— До свидания. Удали архив, почисти кэш и иди пиши про городские поликлиники. Мы не берем анонимные сливы перед крупными сделками. Это азбука, Лаврова. Нас используют втемную, чтобы сбить цену компании перед продажей пакета, а потом мы останемся крайними в суде с пустыми карманами и отозванной лицензией СМИ.

— Я не собираюсь публиковать анонимку, — твердо произнесла я, выдерживая ее взгляд. — Посмотри на экран, Лена. Это не файлы из письма. Это открытый государственный реестр. Официальный сайт регулятора, открытый доступ для любого гражданина страны.

Морозова помолчала пару секунд, затем неохотно подвинула планшет к себе. Ее палец скользнул по стеклу, прокручивая длинный список модификаций.

— И что я должна здесь увидеть?

— Порядковый номер версий, — я указала кончиком руч-

ки на пустую строку в моем блокноте. — Семнадцатая зарегистрирована в апреле шестнадцатого года. Девятнадцатая — в декабре. Восемнадцатой в открытой истории изменений нет.

Елена прищурилась, вглядываясь в официальные даты:

— И что с того? Технический сбой в нумерации. Разработчики отказались от промежуточного релиза, объединили две сборки в одну и сразу подали под следующим индексом. Такое бывает сплошь и рядом в программном обеспечении. Это рабочая рутина, Арина, а не расследование.

— В анонимном архиве лежат внутренние заводские калибровки восемнадцатой версии, — парировала я, не повышая голоса, но чеканя каждое слово. — Ее не просто собрали на бумаге. Ее заливали в опытные образцы летом шестнадцатого года. И в этих калибровках пороговая чувствительность оптических датчиков была принудительно занижена на двенадцать процентов. А в девятнадцатой версии, которая пошла в серию и встала в больницы, этот заниженный порог просто замаскировали новыми расчетными формулами.

Елена не ответила сразу. Планшет застыл у нее в руках.

Она медленно положила его на стол экраном вниз. Пальцы нервно постукали по полированному дереву.

— Ты понимаешь, что ты сейчас говоришь? Если это правда, то аппараты, которые много лет работают в клиниках по всей стране, при определенных значениях могли давать ложноотрицательный результат. Но пока это только риск, ко-

торый нужно подтвердить на исходных испытаниях.

— Я понимаю, — тихо сказала я. — Именно поэтому я здесь.

— И ты понимаешь, что этот архив может быть филигранной фальшивкой? — голос Морозовой стал сухим и жестким, как наждак. — Подделать внутренние протоколы десятилетней давности для специалиста средней руки — дело трех дней работы. Любой обиженный инженер, уволенный из «Веритас Мед», мог на коленке нарисовать эти таблицы, чтобы отомстить бывшему шефу. Если мы выйдем с этим без прямых доказательств подлинности исходников, нас не просто засудят. Нас уничтожат профессионально. Тебя сотрут в порошок. Ни одно приличное издание больше никогда не возьмет у тебя даже заметку о погоде.

— Я знаю цену, — ответила я. Горло саднило от остывшего кофе, но внутри разливалось то странное, холодное упрямство, которое всегда появлялось у меня перед сложной работой. — Поэтому я не прошу полосу. Я не прошу ставить материал в план. Я прошу дать мне официальный статус на проверку.

— Какой статус?

— Официальный запрос в «Веритас Мед». От редакции, с исходящим номером, за твоей и моей подписью. Никаких обвинений, никаких сливов. Мы задаем три конкретных вопроса по их собственной открытой документации в реестре. Почему отсутствует версия восемнадцать. Каковы были ре-

зультаты калибровочных испытаний за лето шестнадцатого года. И почему при регистрации девятнадцатой версии изменились пороговые значения оптической плотности.

Елена пристально смотрела на меня. В ее взгляде боролись жесткий редакторский прагматизм и то профессиональное журналистское чутье, благодаря которому «Линия факта» до сих пор оставалась независимым изданием, а не придатком корпоративных пресс-релизов.

— Если мы отправим этот запрос, — медленно проговорила она, — мы включим секундомер. У них сейчас временное руководство, совет директоров на взводе из-за сделки. Они мгновенно поймут, куда мы копаем. На нас натравят их юридический департамент, службу безопасности, начнут звонить учредителям. Ты готова к тому, что на тебя будут давить со всех сторон?

— Они не смогут давить на факт, которого нет, — сказала я. — Если это просто техническая опечатка чиновников реестра, «Веритас Мед» ответит нам за два дня, покажет копию письма регулятора об объединении версий, и тема закроется сама собой. Я лично положу этот файл в архив и вернусь к городским шприцам.

Елена криво усмехнулась одними уголками губ:

— А если не ответят? Или если ответят так, что станет ясно: они что-то прячут?

— Тогда у нас появится тема, от которой они уже не отмахнутся.

Морозова вздохнула, взяла со стола ручку и пододвинула к себе чистый лист с фирменным логотипом издания.

— Пиши проект запроса, Лаврова. Формулировки должны быть выверены до миллиметра. Никаких домыслов, никаких оценочных суждений, никакого сарказма. Только факты, номера регистрационных дел и требование предоставить официальные разъяснения. Даем им наши редакционные три дня на ответ.

— Семьдесят два часа, — кивнула я.

— И еще одно, Арина, — Елена посмотрела мне прямо в глаза, и в ее голосе прорезалась неподдельная, жесткая тревога. — Ты работаешь строго по редакционному протоколу. Никаких тайных встреч на парковках, никаких контактов с сомнительными доброжелателями без уведомления редакции. Исходный архив — на защищенный сервер с двухфакторным доступом. Если почувствуешь хоть тень угрозы или попытки подкупа — сразу ко мне и к нашему юристу Надежде. Ты меня слышала?

— Услышала.

Я вышла из кабинета. В ньюсруме по-прежнему кипела жизнь: кто-то спорил по громкой связи с министерством, стучали клавиши, из принтера со свистом вылезали страницы верстки. Но для меня этот шум словно отдалился, уйдя на второй план.

Я села за свой стол, открыла шаблон официального бланка редакции и принялась методично, взвешивая каждое слово,

набивать текст запроса.

Кому: Генеральному директору акционерного общества «Веритас Мед». Копия: Пресс-служба, юридический департамент.

Я не упоминала анонимный архив. Не упоминала сниженную на двенадцать процентов чувствительность датчиков. Каждое предложение опиралось исключительно на открытые государственные базы данных. Вопрос о пропущенном регистрационном индексе. Вопрос об основаниях изменения расчетных формул в декабре шестнадцатого года. Просьба предоставить выписку из журнала изменений технической документации.

В шестнадцать сорок пять документ был подписан электронной подписью Елены Морозовой, зарегистрирован в канцелярии и отправлен по трем официальным адресам компании «Веритас Мед».

Я нажала кнопку отправки и откинулась на спинку стула. Экран вспыхнул системным уведомлением: «Сообщение успешно доставлено на сервер получателя».

В помещении редакции сгущались ранние осенние сумерки. За окном зажигались первые фонари на Садовом кольце, сливаясь в размытые желтые полосы сквозь морозящий дождь.

Механизм был запущен. Обратного хода больше не было. Где-то в сверкающем стеклянном офисе «Веритас Мед» дежурный секретарь или сотрудник пресс-службы прямо сей-

час открывал это письмо, пробежал глазами строчки и понимал то же самое, что час назад поняла я.

После версии семнадцать не может идти девятнадцать.
Восемнадцатой версии не хватает.

Глава 2

Максим

Семнадцать дней. Ровно столько оставалось до закрытого заседания совета директоров, на котором должна была решиться судьба компании.

Я стоял у панорамного окна на сорок втором этаже башни из темного стекла и бетона. Внизу вечерняя Москва задышалась в бесконечных багровых ручьях автомобильных пробок. Морозящий дождь превращал огни на набережной в мутные желтые пятна. Мой временный контракт генерального директора истекал через два месяца, и эти семнадцать дней были той самой чертой, за которой либо начиналась спокойная реструктуризация долгов, либо компания шла ко дну, увлекая за собой тысячи рабочих мест и репутацию каждого, кто сидел в этом здании.

На моем полированном столе лежали три тяжелые папки: отчеты аудиторов перед предстоящей сделкой, перечень залоговых обязательств перед банками-кредиторами и проект соглашения о передаче контрольного пакета стратегическому инвестору. Все было выверено до десятой доли процента. Каждая цифра, каждый коэффициент ликвидности.

Тихий стук в тяжелую дверь прервал мои мысли.

На пороге появилась Инга, моя секретарь. В руках она держала не привычный планшет, а бумажную распечатку на

официальном бланке, только что снятую с дежурного факса канцелярии. Ее лицо было непривычно напряженным.

— Максим Алексеевич, это пришло двадцать минут назад. На общую почту пресс-службы и параллельно в канцелярию с пометкой «срочно». Руководитель пресс-службы просил передать вам лично в руки до того, как бумага пойдет в юридический департамент.

— Что там? — я не стал возвращаться в кресло, а просто протянул руку.

— Официальный запрос. Издание «Линия факта». Подписан главным редактором Морозовой и специальным корреспондентом.

Я взял холодный лист бумаги. Название издания отозвалось в голове глухим щелчком настороженности. «Линия факта» не занималась сплетнями и не торговала заказными колонками. Это были въедливые, юридически грамотные расследователи, чьи публикации стоили нескольким чиновникам министерства их кресел, а крупным холдингам — миллиардных штрафов.

Мой взгляд скользнул по строчкам.

Текст был составлен безупречно. Никаких дешевых манипуляций, никаких громких эпитетов вроде «скандал», «афера» или «угроза обществу». Сухой, ледяной, предельно выверенный тон профессионалов, знающих закон о средствах массовой информации лучше многих практикующих адвокатов.

Они спрашивали о флагманском диагностическом комплексе «Линия-М».

Но не о текущих поставках. Не о гарантийном обслуживании. И даже не о грядущей продаже компании.

Вопросы касались шестнадцатого года.

«...Просим предоставить разъяснения относительно порядка внесения изменений в регистрационное досье комплекса «Линия-М». В соответствии с данными открытого государственного реестра, в апреле 2016 года была зарегистрирована версия программного обеспечения под номером 17, а в декабре того же года — версия под номером 19. Просим пояснить причины отсутствия регистрационных сведений о версии 18, а также предоставить копии протоколов калибровочных испытаний оптических датчиков за третий квартал 2016 года...»

Я медленно опустил лист на край стола.

В кабинете было тепло, но по спине пробежал отчетливый холод.

Версия восемнадцать.

Эти две цифры ударили по мне с силой взрывной волны. Шесть месяцев назад, когда совет директоров утвердил меня на должность кризисного управляющего с ограниченным мандатом, я зарылся во внутренние архивы. Я искал финансовые дыры, сомнительные займы и скрытые обязательства. Но однажды ночью, разбирая серверные логи старых заводских сборок, я наткнулся на странную аномалию. На корот-

кий хвост удаленных задач в инженерных журналах.

Тогда я совершил ошибку, о которой помнил каждую секунду. Я не сообщил внешнему независимому аудиту сразу. Я решил, что смогу перепроверить все сам, удержать контроль внутри кабинета, не создавая паники перед кредиторами. Я взял себе семьдесят два часа. Всего трое суток. И за эти трое суток кто-то очень аккуратно, используя системные доступы высшего уровня, стер резервные журналы калибровок за лето шестнадцатого года.

Я остался с пустой базой и тяжелым, липким подозрением, которое не мог превратить в официальное обвинение без прямых доказательств.

А теперь передо мной лежал запрос от журналистов. И они спрашивали ровно о том же, что исчезло из моих систем полгода назад.

Дверь кабинета распахнулась без предупреждения.

В комнату стремительно вошел Виктор Савельев — председатель совета директоров и крупнейший частный акционер «Веритас Мед». Ему было сорок семь, он носил безупречно подогнанные костюмы из тонкой шерсти, сохранял фигуру регулярными тренировками и обладал той опасной, лощеной уверенностью в себе, которая свойственна людям, привыкшим покупать чужое молчание оптом.

— Ты уже видел эту макулатуру? — с порога спросил Виктор. В его руках был точно такой же лист.

— Пять минут назад, — ответил я, оставаясь стоять. —

Пресс-служба только что доставила.

Виктор подошел к столу, бросил лист поверх моих папок и достал из кармана золотую зажигалку, тут же убрав ее обратно — жест чисто механический, выдававший раздражение.

— Какая-то девица из отдела расследований решила заработать премию на нашем имени. До закрытия сделки две недели с небольшим, Максим. Наши будущие партнеры сидят на иголках, оценивая каждый информационный шорох. А тут — прямой шантаж.

— В запросе нет шантажа, Виктор, — спокойно сказал я, глядя ему в лицо. — Там нет требований денег или встречных предложений. Там есть три конкретных вопроса по расходам в публичном государственном реестре.

Савельев поморщился, словно у него внезапно разболелся зуб:

— Перестань мыслить как наемный аудитор. Ты генеральный директор. Твоя задача — довести компанию до подписания контракта и защитить капитализацию. Это классический предпродажный вброс. Конкуренты прощупывают почву, пытаются посеять сомнения среди покупателей, чтобы сбить цену пакета процентов на двадцать. Или вовсе сорвать подписание.

— Если это вброс конкурентов, откуда у них данные о калибровочных протоколах лета шестнадцатого года? — я не повышал тона, но сделал паузу, заставляя его услышать вопрос. — Реестр открыт для всех. Но чтобы обратить внима-

ние на пропуск одного индекса между сотнями других регистраций, нужно точно знать, куда смотреть.

В глазах Виктора на долю секунды мелькнуло нечто острое и жесткое. Оно тут же исчезло за маской снисходительной уверенности, но я успел это заметить.

— Мало ли обиженных инженеров ушло от нас за эти годы? — небрежно бросил он. — Кто-то слил старые черновики. Юридический департамент уже готовит стандартный ответ. Мои юристы свяжутся с их главным редактором. Дадим жесткое предостережение о недопустимости распространения непроверенной информации, порочащей деловую репутацию. Напомним им про закон о клевете и наши финансовые возможности в судебных процессах. Если не угомонятся — подключим профильные ведомства, которые быстро объяснят их учредителям, чем чреваты атаки на стратегическое предприятие.

Я медленно покачал головой.

— Этот сценарий не работает.

— Что значит не работает? — Савельев прищурился.

— «Линия факта» не отступает от судебных угроз. Елена Морозова за последние пять лет выиграла три процесса у структур куда крупнее нашей. Если мы пришьем им юридическую отписку с угрозами иска, они через семьдесят два часа выпустят материал. Напишут, что на официальный запрос о несоответствии калибровок компания «Веритас Мед» ответила давлением и отказалась предоставить документы.

Знаешь, что сделают инвесторы после такой публикации в день открытия торгов?

Виктор молчал. Его пальцы нервно сжались на спинке гостевого кресла.

— Они приостановят сделку для проведения глубокого аудита безопасности медицинских изделий, — продолжил я за него. — Потому что никто не захочет покупать актив, если Росздравнадзор приостановит применение базового комплекса на время проверки и потребует остановить эксплуатацию спорной версии в клиниках. Мы потеряем не двадцать процентов стоимости. Мы потеряем все.

— И что ты предлагаешь? — голос Виктора стал тихим и угрожающим. — Вывалить перед ними внутреннюю документацию десятилетней давности? Покаяться в каких-то технических помарках прошлых команд? Ты забываешь, кто привел тебя на эту должность, Корнеев.

— Мой мандат выдан советом директоров и согласован пулом кредиторов, — напомнил я, глядя ему прямо в глаза. — Моя обязанность — исключить риски субсидиарной ответственности и уголовного преследования для руководства. Если в шестнадцатом году при калибровке были допущены нарушения, мы обязаны установить это сами, до того, как об этом напишет пресса.

— В шестнадцатом году все делалось строго по регламенту, — отрезал Савельев. — Я лично курировал запуск серийного производства «Линии-М». Все тесты были пройдены.

— Тогда нам нечего бояться независимой проверки.

Виктор резко выпрямился. Его лощеная маска дала трещину.

— Какой еще проверки?

— Я привлекаю внешнюю группу аудита. Софью Веденеву и ее специалистов. Она уже ведет финальную ревизию наших нематериальных активов перед сделкой. Я расширяю ее полномочия: она получит прямой доступ к историческим архивам инженерного сектора и поднимет все документы по восемнадцатой версии.

— Ты с ума сошел, — прошипел Виктор, сделав шаг ко мне. — Веденеева не подчиняется совету. Она отчитывается напрямую специальному комитету кредиторов. Если она найдет хоть одну нестыковку в старых базах, она заблокирует одобрение сделки со стороны банков!

— Если нестыковку найдет журналистка, банки заблокируют не сделку. Они потребуют досрочного погашения всех кредитных линий и объявят дефолт, — я сделал паузу, давая моим словам осесть в тишине кабинета. — У нас нет выбора, Виктор. Мы либо закрываем этот вопрос официальным, прозрачным путем, либо нас похоронят под обломками собственного молчания.

Савельев смотрел на меня тяжелым, налитым злостью взглядом. Он привык, что кризисные управляющие заглядывают ему в рот, пытаясь выторговать себе бонус за успешное закрытие контракта. Но мне не нужны были его бонусы. Мне

нужно было, чтобы эта компания не превратилась в братскую могилу для моей профессиональной чести.

— Ты играешь с огнем, Максим, — негромко произнес он, разворачиваясь к выходу. — Совет директоров может отозвать твой мандат раньше, чем пройдут эти семнадцать дней.

— Для этого вам потребуется квалифицированное большинство голосов, включая представителей банков, — бросил я ему в спину. — А банки сегодня утром подтвердили, что любое вмешательство в оперативное управление в период аудита означает немедленный пересмотр условий реструктуризации.

Дверь за Савельевым захлопнулась с глухим стуком.

Я остался один. Воздух в кабинете казался наэлектризованным.

Я подошел к рабочему столу, снял телефонную трубку внутренней связи и набрал начальника службы безопасности Артёма Белецкого.

— Артём? Это Корнеев.

— Слушаю, Максим Алексеевич.

— Слушай меня очень внимательно. Прямо сейчас, с этой секунды, вводится режим консервации данных. Все серверные хранилища, содержащие архивы инженерных разработок, калибровочные журналы и базы испытаний с четырнадцатого по восемнадцатый год, переводятся в режим «только чтение». Любые попытки изменения записей, удаления файлов или создания новых учетных записей администраторов

блокируются автоматически с фиксацией в журнал инцидентов.

На том конце провода повисла секундная пауза. Белецкий был опытным офицером безопасности, прошедшим не один корпоративный кризис. Он мгновенно оценил масштаб приказа.

— Понял. Требуется официальный приказ с электронной подписью?

— Распоряжение уйдет через две минуты. Исполняй немедленно. Если за последние двадцать четыре часа были зафиксированы внешние или внутренние запросы к архивам шестнадцатого года — сформируй отдельную выгрузку мне на рабочий терминал.

— Принято в работу.

Я положил трубку. Первое действие сделано. Если кто-то внутри попытается повторить то, что произошло полгода назад, и подчистить оставшиеся следы, система поднимет тревогу.

Затем я набрал прямой номер Софьи Веденеевой.

Софья ответила после первого же гудка. Ее голос звучал сухо, собранно и слегка устало — она работала без выходных последние три недели, перемалывая финансовые балансы «Веритас Мед».

— Да, Максим Алексеевич. Я как раз заканчивала сверку залоговой массы для синдиката.

— Софья Андреевна, у нас меняется вводная. Помимо

финансовых активов, комитет кредиторов запросит расширенный аудит истории сертификации базовых продуктов. Конкретно — комплекс «Линия-М», третий и четвертый кварталы шестнадцатого года.

— Вот как? — в ее голосе прорезался профессиональный интерес. — Есть основания полагать, что в регистрационных досье содержатся неучтенные регуляторные риски?

— Есть официальный журналистский запрос с указанием на конкретный разрыв в нумерации версий программного обеспечения и несоответствие порогов оптических измерений. Я расширяю ваш мандат. Вы получаете неограниченный доступ к консервированным архивам завода и разработчиков.

— Вы понимаете, Максим, — медленно произнесла Веденеева, — что мои отчеты не подлежат предварительной цензуре со стороны менеджмента? Если я обнаружу факт сознательной модификации данных или фальсификации клинических испытаний, эта информация немедленно ляжет на стол председателя специального комитета кредиторов. Вы не сможете замять это внутри компании.

— Я не собираюсь ничего заминать, — жестко ответил я. — Мне нужна правда. Какой бы она ни была.

— Хорошо. Я сформирую экспертную группу через час. Но мне понадобятся исходные материалы, на которые опирается редакция. Без них мы будем искать иголку в стоге сена среди терабайтов технического мусора.

— Я займусь этим.

Мы попрощались.

Я снова взял в руки распечатку запроса. Подошел к окну.

На улице окончательно стемнело. Дождь барабанил по стеклу частыми, неровными ударами.

Внизу страницы стояли две подписи. Главного редактора я знал заочно — фигура публичная и предсказуемая в своей принципиальности. Но под текстом стояла еще одна фамилия.

Арина Лаврова.

Я не знал этой женщины. Никогда не пересекался с ней на пресс-конференциях и не читал ее прежних материалов. Но то, как был составлен этот запрос, вызывало невольное, острое уважение.

В нем не было истерики обиженного правдоискателя. Не было попытки напугать нас громкими заголовками. Была пугающая, математическая точность. Автор запроса словно скальпелем вскрыл самый тонкий шов в броне компании, аккуратно надавив именно туда, где металл истончился до опасного предела.

Она спрашивала про оптическую плотность. Про допустимую погрешность фотометрии. Такие формулировки не берутся из пустоты. Обычный человек, даже очень дотошный журналист, листая открытый государственный реестр, увидел бы просто сухие регистрационные индексы. Чтобы связать отсутствие восемнадцатой версии со сдвигом поро-

гов чувствительности датчиков, нужно было обладать чем-то еще.

У нее были источники внутри. Или у нее на руках были документы, о существовании которых я мог только догадываться.

Виктор хотел войны. Он хотел натравить на редакцию юристов, попытаться запугать их, использовать связи в руководстве города. Классическая тактика людей его круга, уверенных, что любую проблему можно решить грубой силой и деньгами.

Но я знал: если мы пойдем этим путем, мы проиграем. Если у нее действительно есть факты, любая попытка давления лишь убедит ее в нашей виновности и ускорит публикацию.

Мне нужно было увидеть ее лично.

Не для того, чтобы подкупить или заставить замолчать. В этой игре покупка молчания означала безоговорочную капитуляцию. Мне нужно было понять, с чем именно мы имеем дело. Каков масштаб утечки? Насколько глубоко она распала эту историю? И самое главное — знает ли она то, чего не успел выяснить я сам за те проклятые семьдесят два часа полгода назад?

Я сел за стол, открыл почтовый клиент и начал набирать ответ на официальном бланке генерального директора.

Никаких шаблонных фраз пресс-службы. Никаких юридических уловок.

«Уважаемая Елена Сергеевна, уважаемая Арина Ильи-

нична. Акционерное общество «Веритас Мед» ознакомилось с вашим запросом относительно технических параметров комплекса «Линия-М». Принимая во внимание высокую социальную значимость обсуждаемого оборудования, компания сообщает об открытии внеплановой независимой аудиторской проверки указанных вами обстоятельств. Для конструктивного диалога и предоставления исчерпывающих разъяснений предлагаю провести очную рабочую встречу завтра, в первой половине дня, на нейтральной территории, с участием руководителя группы независимого аудита Софьи Веденеевой...»

Я перечитал текст. Коротко. Сдержанно. Без оправданий, но с готовностью к прямому разговору.

Пальцы на секунду зависли над клавишей отправки.

Я понимал, какой шаг совершаю. Приглашая журналистку на встречу с независимым аудитором, я своими руками выбивал из-под компании почву для любых кулуарных маневров. Я лишал Виктора возможности замять скандал, а себя — возможности отступить назад. Если эта проверка вскроет фальсификацию, сделке конец. Моей репутации кризисного менеджера — тоже.

Но скрывать это дальше означало стать соучастником. А эту черту я переступать не собирался.

Я нажал кнопку.

Письмо ушло на сервер редакции «Линии факта».

Я посмотрел на часы. До конца рабочего дня оставалось

полчаса. Впереди была бессонная ночь и семнадцать дней до совета директоров.

Но где-то внутри, сквозь гул нарастающей тревоги, пульсировала одна неотвязная мысль. Вопросы Арины Лавровой были слишком точными. Слишком безжалостными.

Она держала в руках то, что я безуспешно искал шесть месяцев.

Глава 3

Арина

К семи вечера редакция опустела наполовину. Ушли дежурные хроникеры, затих в углу отдел культуры, и только в нашей расследовательской секции под потолком продолжала тихо зудеть длинная люминесцентная лампа. За окнами навалилась тяжелая октябрьская темень, разбавленная размытыми фарами машин на Садовом.

Я сидела перед пустой маркерной доской, которую только что выкатили из переговорной. В руке был синий маркер со стертым войлочным кончиком.

Если хочешь дойти до конца и не разбиться о первый же встречный иск, нужно с самого начала вытащить расследование из собственной головы и положить его на плоскость. Жестко. Безжалостно к собственным догадкам.

Я провела по белой эмали две вертикальные линии, разделив пространство на три колонки.

Первая колонка: факты. То, что можно положить на стол судье прямо сейчас и за что не придется краснеть. Я написала: «Запись в государственном реестре. Версия семнадцать — апрель. Версия девятнадцать — декабрь. Прямой разрыв нумерации». Ниже добавила: «Внутренние калибровки из архива. Версия восемнадцать существует физически. Сдвиг порогов фотометрии на двенадцать процентов».

Вторая колонка: гипотезы. То, что кажется логичным выводом, но пока остается лишь версией. «Занижение чувствительности скрывало аппаратный сбой или брак сенсоров». «Релиз девятнадцать зарегистрирован с искаженными параметрами, чтобы не отзываться приборы из клиник».

И третья колонка — самая опасная. Пробелы. Я с нажимом вывела три жирных вопросительных знака. Происхождение архива неизвестно. Цепочка передачи файлов отсутствует. Нет ни одного живого свидетеля, готового подтвердить подлинность заводских таблиц под протокол.

— Красивая схема, — раздался сзади сухой, спокойный голос.

Я даже не вздрогнула — по коридору так бесшумно ходил только один человек.

Надежда Романова, наш ведущий юрист, стояла в дверях, держа в руках толстую картонную папку и две кружки с черным чаем, от которых поднимался тонкий пар. Ей было под сорок, она носила строгие темные жакеты без единого намека на украшения и обладала редким талантом разрушать репортерские иллюзии тремя короткими фразами. Мы работали вместе четыре года, и я знала: если Надежда берет в руки кружку с чаем после семи вечера, значит, ночь предстоит длинная.

Она протянула мне одну кружку и подошла к доске.

— Морозова переслала мне копию твоего запроса в «Веритас Мед», — сказала Надежда, не спеша изучая синие над-

писи на белом фоне. — Текст безупречный, придаться не к чему. Но ты же понимаешь, в какую воду заходишь, Лаврова?

— Понимаю, — я сделала глоток обжигающего чая. — В глубокую и холодную.

— В токсичную. «Веритас Мед» — это не полуподвальная аптечная сеть, торговавшая просроченными бинтами. У них сидит штат корпоративных юристов, которые получают годовые оклады за то, чтобы стирать подобные вопросы в порошок до первого судебного заседания. Твой анонимный архив с точки зрения права — ничто. Ноль. Мусор с чужой флешки, который любой специалист по информационной безопасности назовет искусной компиляцией за три минуты.

— А открытый реестр? — я ткнула колпачком маркера в первую колонку. — Его тоже скомпилировали?

— Реестр — это государственная база. Но сама по себе пропущенная цифра доказывает только одно: кто-то в канцелярии министерства или в техническом отделе компании допустил канцелярскую небрежность. Они заявят об объединении релизов, покажут внутреннюю служебную записку с нужной датой и выставят нас дураками, которые раздувают сенсацию из типографской опечатки.

— А занижение порогов чувствительности на двенадцать процентов? — я не отступала, чувствуя, как внутри закипает знакомое репортерское упрямство. — Ты знаешь, сколько крови проходит через эти фотометры каждый день? Они

стоят в половине онкодиспансеров страны. Если прибор на ранней стадии показывает норму там, где уже пошли атипичные клетки, люди просто уходят домой. Спокойные. Уверенные, что здоровы. А через полгода возвращаются уже неоперабельными.

Надежда молчала, глядя на строчку со знаком вопроса. Ее лицо оставалось профессионально непроницаемым, но взгляд смягчился.

— Эмоции к иску не пришьешь, Арина. Судья не будет слушать про онкодиспансеры, пока мы не докажем, что эти цифры из твоего файла действительно стояли в прошивке конкретных серийных аппаратов. Если компания завтра пришлет отказ или шаблонную угрозу подать на нас в суд за диффамацию, мы упремся в стену. Публиковать материал на одном лишь пропуске версии в реестре Морозова не разрешит. И я первой лягу в дверях ее кабинета, чтобы этот текст не ушел на сайт.

— Я не собиралась выпускать его завтра, — глухо сказала я.

— Знаю. Поэтому я здесь.

Стеклянная дверь скрипнула, и в комнату быстрым, решительным шагом вошла Елена Морозова. Она уже переоделась в сухое строгое пальто, сумку держала на сгибе локтя, но в руке у нее был смартфон.

— Вы еще здесь? Прекрасно, — Елена остановилась посередине комнаты, бросив цепкий взгляд на доску. — Надеж-

да, открой почту редакции. Семь минут назад упало входящее.

Мы с Романовой переглянулись.

— Ответ от пресс-службы? — спросила Надежда, подходя к столу и быстро щелкая клавишами ноутбука. — Стандартный судебный ультиматум?

— Если бы, — Елена усмехнулась, но в этой усмешке не было веселья — только острая, напряженная собранность. — Читайте сами.

Я подошла к монитору Надежды.

Письмо пришло не с общего адреса пресс-службы. В поле отправителя стоял личный служебный домен генерального директора «Веритас Мед».

Никаких угроз. Никаких ссылок на статьи Уголовного кодекса о клевете, никаких наглых требований отозвать запрос и принести публичные извинения.

Текст был поразительно коротким, сдержанным и тяжелым, словно отлитым из чугуна.

Компания уведомляла редакцию об открытии внеплановой независимой аудиторской проверки фактов, изложенных в нашем запросе. Ни слова отрицания. Ни слова о «технической опечатке». И в финале — прямое предложение очной рабочей встречи завтра утром. На нейтральной территории. С участием руководителя группы независимого внешнего аудита Софьи Веденеевой.

Внизу стояла подпись: «Временный генеральный дирек-

тор АО «Веритас Мед» Максим Корнеев».

Надежда сняла очки в тонкой оправе и положила их поверх бумаг.

— Корнеев, — негромко произнесла она. — Он на этой должности меньше полугода. Временный управляющий, приглашенный со стороны пулом банков-кредиторов на период санации и подготовки к сделке. У него безупречная репутация жесткого, непубличного кризис-менеджера. Человек с сухим расчетливым умом, который не делает лишних движений.

— И он не просто признал наш запрос, — я вглядывалась в строчки на экране, чувствуя, как по затылку пробегает легкий озноб. — Он открыл независимый аудит. И зовет нас за стол.

— Это может быть капканом, — холодно заметила Елена, оперевшись ладонями о спинку стула. — Классический ход опытного переговорщика: вытащить журналиста из безопасного контура редакции, посадить напротив, заглянуть в глаза и понять, сколько карт у него на руках. Сколько у тебя источников? Есть ли оригиналы? Насколько ты готова идти до конца? Они хотят оценить глубину пробоины.

— Если бы они хотели просто оценить ущерб, встречу назначил бы их начальник службы безопасности или главный юрист, — возразила я, поворачиваясь к главреду. — Но письмо подписано лично Корнеевым. И он привлекает Веденееву. Софья Веденеева — крупнейший независимый ауди-

тор на медицинском рынке. Она не работает под диктовку директоров. Если она берет кейс, ее отчет идет напрямую комитету кредиторов и регулятору. Замять тему после ее входа невозможно.

Елена смерила меня долгим, изучающим взглядом.

— Ты права, Арина. Он идет на огромный риск. И нам нужно решить, идем ли на него мы.

— В каком смысле? — я нахмурилась.

— В самом прямом, — Елена подошла к маркерной доске, взяла губку и постучала ею по второй колонке. — До этой минуты это была твоя персональная охота, Лаврова. Твой анонимный архив, твоя ночная сверка реестров, твое репортерское упрямство. Но если мы соглашаемся на эту встречу, игра меняет масштаб. Это больше не твоя частная инициатива. Это официальное расследование редакции «Линии факта».

Она сделала паузу, давая мне ощутить всю тяжесть этих слов.

— А это значит, — продолжила Елена, понизив голос, — что правила устанавливаю я. Ты не действуешь в одиночку. Никаких спонтанных договоренностей, никаких закрытых соглашений за чашкой кофе. Каждое слово на завтрашней встрече должно быть зафиксировано. Любые документы, которые они предложат посмотреть, проходят через правовой контур Надежды. И главное: единоличный контроль над расследованием ты отдаешь.

Я почувствовала, как перехватило горло. Отдать контроль?

Я слишком хорошо помнила, как это бывает. Когда важная, живая тема попадает в жернова редакционных комитетов, когда осторожные люди начинают вымарывать абзац за абзацем, сглаживать острые углы, менять имена на обтекаемые должности, пока от расследования не остается беззубая колонка, не способная никого задеть. Я привыкла держать все нити в своих руках. Проверять сама, хранить копии на личных зашифрованных дисках, никому не доверять черновики.

— Лена, если мы начнем согласовывать каждый шаг с советом издания, они успеют перекрыть кислород, — тихо сказала я.

— Я не говорю про учредителей, — отрезала Морозова. — Учредители узнают о материале ровно тогда, когда полоса уйдет в печать. Я говорю про нас троих. Про профессиональный тыл. Если ты пойдешь туда как вольный стрелок, Корнеев переиграет тебя за двадцать минут. Он управляет холдингами с миллиардными оборотами, Арина. Он с закрытыми глазами видит, где ты блефуешь, а где у тебя пустой лист.

Надежда молча кивнула, поддерживая главреда.

— Нам нужен двухсторонний протокол, — заговорила юрист, придвигая к себе блокнот. — На встречу ты идешь с официальным редакционным мандатом. Мы не передаем им архив. Ни единого байта. Мы не раскрываем способ его по-

лучения. Мы требуем подтверждения фактов: где протоколы восемнадцатой версии, почему изменены пороговые значения, и кто подписывал распоряжение о пропуске индекса. Взамен мы соглашаемся дать им регламентное время на внутреннюю проверку до публикации.

— Сколько? — спросила я.

— Семьдесят два часа, — твердо сказала Елена. — Это наш редакционный дедлайн на срочный ответ. Ни минутой больше. Если через трое суток они не предоставят официальные объяснения или попытаются спустить все на тормозах, мы выходим с тем, что есть. С реестром, с разрывом нумерации и с фактом их отказа от комментариев.

Я посмотрела на белую доску. Синие маркерные линии казались четкими границами, через которые нельзя переступить. С одной стороны — риск потерять контроль, разделить ответственность с другими людьми, довериться чужой осторожности. С другой — единственная возможность получить реальные доказательства, не разбившись о первую же юридическую стену.

Корнеев не стал угрожать. Он сделал шаг навстречу — расчетливый, опасный, но прямой. И если я сейчас испугаюсь и спрячусь за монитором, мы никогда не узнаем, что именно произошло летом шестнадцатого года.

— Я согласна, — сказала я.

Елена облегченно выдохнула и спрятала смартфон в карман пальто.

— Отлично. Надежда готовит доверенность и правовой регламент фиксации встречи. Место они предложили нейтральное — переговорная в деловом центре на Павелецкой, там независимый контур безопасности и изолированные залы. Завтра в десять утра.

— Я иду одна? — спросила я.

— На переговоры заходишь ты, — ответила Морозова. — Как автор запроса. Но в холле будет сидеть Надежда с полным пакетом документов. Никаких тайных встреч без свидетелей. Каждые полчаса ты выходишь или отправляешь контрольное сообщение. Если они попытаются давить или забрать твои записи — встаешь и уходишь.

Она развернулась к выходу, но у самой двери остановилась и обернулась. Ее взгляд стал непривычно мягким, почти человеческим.

— Арина. Держи дистанцию. Такие люди, как Корнеев, не повышают голос и не машут руками. Они берут другим: железной вежливостью, логикой и ощущением, что держат ситуацию под полным контролем. Не позволяй ему решать за тебя, о чем спрашивать, а о чем молчать.

Дверь закрылась.

Мы с Надеждой еще полчаса потратили на технические детали: зафиксировали перечень вопросов, заблокировали в рабочей копии любые метаданные и составили короткий официальный ответ.

В девять вечера я осталась в кабинете одна.

Я подошла к своему столу, открыла почтовую программу и вбила в поле адресата адрес генерального директора «Веритас Мед».

Пальцы быстро набрали текст: «Редакция издания «Линия факта» подтверждает участие в рабочей встрече. Завтра, в 10:00. Стороны представляют специальный корреспондент Арина Лаврова и руководитель аудиторской группы Софья Веденеева».

Я нажала кнопку отправки.

Письмо улетело в темноту октябрьской ночи.

Я выключила монитор, собрала вещи и подошла к окну. Дождь за стеклом почти стих, оставив на стекле длинные прозрачные потеки. Внизу блестел мокрый асфальт, дрожали в лужах неоновые огни витрин.

Завтра в десять утра на нейтральной территории напротив меня сядет человек, который держит в руках ключи от архивов огромной корпорации. Максим Корнеев. Тот, кто вместо судебного иска предложил независимый аудит.

Почему он это сделал? Искреннее желание докопаться до истины или изощренная попытка выиграть время перед сделкой?

Ответа у меня не было.

Через двенадцать часов начнется отсчет наших семидесяти двух часов.

Глава 4

Максим

Дождь хлестал в панорамные окна двенадцатого этажа делового центра на Павелецкой, разбиваясь о толстое стекло на сотни тяжелых, медленно сползающих капель. В переговорной пахло полированным деревом, свежей бумагой и дорогим фильтр-кофе, к которому никто из нас пока не прикоснулся.

Я стоял у края длинного стола из темного ореха, застегнув пиджак на одну пуговицу, и смотрел на циферблат часов. Девять пятьдесят пять.

Справа от меня, раскрыв строгий кожаный бювар, сидела Софья Веденеева. В строгом темно-синем костюме, с гладко зачесанными пепельными волосами и холодным, оценивающим взглядом, она напоминала хирурга перед сложной полостной операцией. Женщина, которая не повышала голос ни при каких обстоятельствах и чья подпись под финансовым или регуляторным заключением могла закрыть любую международную сделку быстрее, чем решение арбитражного суда.

— Вы уверены, Максим Алексеевич? — негромко спросила она, не поднимая глаз от своего планшета. — Виктор Сергеевич звонил мне сегодня в восемь утра. Очень настойчиво интересовался, на каком основании внешний аудит

вмешивается в операционные вопросы инженерного сектора до официального запроса кредитного комитета.

— И что вы ответили?

— Напомнила ему условия соглашения о санации, — сухо ответила Софья. — Аудиторская группа имеет право проверки любых рисков, способных повлечь отзыв регистрационных удостоверений на ключевые медицинские изделия. Но вы же понимаете: Савельев не простит вам этого демарша. Если журналисты блефуют, на ближайшем совете директоров ваш контракт разорвут досрочно.

— Они не блефуют, — ответил я, глядя на мутную ленту Москвы-реки внизу. — Тот, кто писал запрос, видел внутренние калибровочные формулы. Вопрос лишь в том, насколько глубоко они понимают то, что держат в руках.

Ровно в десять ноль-ноль тяжелая дубовая дверь бесшумно приоткрылась.

Администратор центра отступил в сторону, пропуская посетительницу, и закрыл за ней створку.

Арина Лаврова вошла в комнату так, словно заранее знала точные координаты каждого предмета в этом пространстве. Ни тени суеты, ни дежурной скованности, которая часто выдает людей, впервые оказавшихся на территории чужих корпоративных ресурсов. На ней был темный шерстяной жакет, простое серое пальто она оставила в гардеробе, а плечи еще хранили уличную осеннюю сырость. Темные волосы, влажные от дождя, были убраны назад, открывая тонкое, сосре-

доточенное лицо с высокими скулами и прямым, невероятно цепким взглядом. В руках — рабочий ноутбук в чехле и потертый кожаный блокнот с простой шариковой ручкой.

Никаких диктофонов наперевес. Никакого напускного репортерского напора.

Она остановилась у противоположного края стола, и наши взгляды встретились.

Вблизи она оказалась моложе, чем звучал ее текст в официальном запросе, но в этой молодости не было наивности. В ее глазах читалась та спокойная, тяжелая проницательность, которая появляется только у людей, знающих цену чужим словам и видевших, как легко рушатся самые красивые легенды.

— Доброе утро. Максим Алексеевич? — ее голос прозвучал ровно, чуть ниже, чем я ожидал, без малейшей дрожи.

— Доброе утро, Арина Ильинична, — я сделал шаг вперед и протянул руку.

Ее ладонь оказалась прохладной, а рукопожатие — неожиданно твердым и сухим. Пальцы задержались в моей руке ровно на секунду дольше формального этикета — не жест кокетства, а быстрая, инстинктивная проверка. Она словно взвешивала меня на собственных внутренних весах.

— Софья Андреевна Веденеева, руководитель группы независимого аудита, — представил я свою спутницу.

Арина коротко наклонила голову, здороваясь с Софьей, и села в кресло напротив нас, положив блокнот на стол. Ноут-

бук она даже не стала доставать из чехла.

— Давайте сразу обозначим границы, Максим Алексеевич, — заговорила она, глядя мне прямо в лицо. — Я здесь по официальному редакционному мандату «Линии факта». В холле первого этажа находится наш ведущий юрист Надежда Романова. Каждые сорок минут я отправляю ей короткое подтверждение. Если эта встреча — попытка предложить редакции спонсорский контракт, закрытое соглашение о намерениях или намекнуть на судебные преследования за сбор информации, мы можем закончить прямо сейчас. Мы не продаем темы и не отзывааем зарегистрированные запросы.

Софья едва заметно приподняла бровь, оценивая ее слова. Я же почувствовал, как внутри медленно отпускает глупое раздражение, копившееся со вчерашнего вечера после бессмысленных угроз Виктора.

Передо мной сидел профессионал. Человек, который не тратил время на прелюдии и не пытался казаться вежливее, чем требовала ситуация.

— Если бы я хотел предложить вам деньги, Арина Ильинична, я бы отправил к вам сотрудников коммерческого департамента. А если бы хотел угрожать судом — здесь сидел бы директор нашего юридического управления с папкой досудебных претензий, — ответил я, садясь напротив нее. — Но я сижу здесь сам. И пригласил человека, чья профессиональная репутация исключает любую возможность сговора.

— Тогда зачем эта встреча? — ее пальцы коснулись края блокнота. — В законе о средствах массовой информации четко прописан порядок: редакция направляет официальные вопросы, держатель регистрационного удостоверения дает официальные ответы. У вас есть доступ к реестрам, у вас есть архив. Вы могли прислать выписку.

— Мог, — согласился я. — И пресс-служба подготовила бы для вас три страницы обтекаемых формулировок. Написала бы про плановое объединение релизов, про оптимизацию кода и техническую погрешность в нумерации. Вы бы выпустили материал о том, что крупнейший производитель скрывает данные. Мы бы начали судебный процесс. Через два месяца выяснилось бы, что половина ваших анонимных файлов не имеет юридической силы, а половина наших опровержений — пустые слова. Вы хотите устроить медийный шум перед торгами или хотите знать правду о том, что происходит с комплексом?

Арина чуть прищурилась. В ее взгляде мелькнула холодная ирония:

— Красивый выбор, Максим Алексеевич. Очень удобный для человека, которому через две недели нужно закрыть сделку по продаже контрольного пакета акций. Любой шум сбивает цену компании. Вы хотите купить у нас паузу?

— Я хочу исключить ошибку, — отчеканил я, оперевшись локтями о стол и подавшись чуть вперед. — Для обеих сторон. Вы получили анонимный архив. Не отрицайте, я умею

читать между строк вашего запроса. Человек со стороны, листая открытый реестр, никогда бы не догадался связать пропуск восемнадцатой версии со сдвигом порогов фотометрии. Вам прислали внутренние таблицы заводской калибровки.

Она не ответила. Ни один мускул на ее лице не дрогнул, но я заметил, как ее взгляд стал предельно внимательным. Она молчала, заставляя меня продолжать. Грамотная тактика: не подтверждать и не опровергать.

— Анонимные архивы не берутся из воздуха, — продолжил я. — Тот, кто слил вам эти документы, преследовал свою цель. И эта цель может быть очень далека от журналистской этики и заботы о пациентах. Фальсификация технической документации в инженерных базах — вещь вполне реальная. Если вы опубликуете поддельные калибровки, вы уничтожите свою карьеру. Если эти калибровки подлинные — в опасности тысячи людей, которые прямо сейчас проходят обследование на станциях по всей стране.

— И каково ваше предложение? — тихо спросила она. В комнате стало слышно, как гудит приточная вентиляция.

— Совместная проверка. Узкая, закрытая и строго ограниченная по времени.

— Исключено, — отрезала Арина мгновенно, без колебаний. — Редакция не передает входящие материалы проверяемой стороне. Это базовый протокол безопасности источника и самого расследования. Мы не отдадим вам архив.

— Мне не нужен ваш архив, — твердо сказал я.

Она замерла, явно не ожидавшая такого ответа.

— Мне не нужны ваши переписки, метаданные и имя того, кто прислал вам ссылку, — повторил я, глядя ей прямо в глаза. — Более того: если вы попытаетесь передать мне эти файлы, я откажусь их принимать. Чтобы ни у кого — ни у совета директоров, ни у кредиторов — не возникло даже мысли, что генеральный директор получил доступ к чужим источникам и уничтожил улики.

— Тогда что именно вы называете совместной проверкой?

В разговор вступила Софья Веденеева. Ее голос прозвучал как щелчок часового механизма:

— Процедура цифровой сверки контрольных параметров, Арина Ильинична. Вы выделяете из полученного вами массива четыре ключевых документа, на которых строится ваша гипотеза о фальсификации. Мы не забираем сами файлы. С помощью изолированного терминала прямо сейчас мы снимаем цифровые контрольные суммы — хэш-суммы этих четырех документов. Этот набор символов фиксирует состояние файлов до последнего байта. Ни вы не сможете их заменить задним числом, ни мы не сможем заявить, что вы показывали нам что-то другое.

Арина перевела взгляд с Софьи на меня.

— А дальше?

— Дальше группа независимого аудита берет эти четыре контрольных значения и идет в консервированные заводские серверы «Веритас Мед», — ответил я. — Вчера моим

личным распоряжением все архивы с четырнадцатого по восемнадцатый год переведены в режим абсолютной изоляции. Любая попытка вмешательства фиксируется. Софья Андреевна сопоставит ваши данные с историческими исходниками на заводских носителях. И ответит на один простой вопрос: существовала ли версия восемнадцать в реальности, или эти таблицы были кем-то нарисованы для информационной атаки.

— И сколько времени вам на это нужно?

— Семьдесят два часа, — сказал я.

Эти слова отозвались внутри меня глухим, почти физическим спазмом. Семьдесят два часа. Ровно столько я взял полгода назад, когда наивно верил, что смогу справиться сам. Теперь я просил то же самое время у незнакомой женщины, сидящей напротив меня.

Арина покачала головой:

— Семьдесят два часа — это стандартный регламент ответа на срочный запрос СМИ. Они истекают послезавтра вечером. Если мы замораживаем материал, вы получаете неограниченное право тянуть время.

— Мы не замораживаем материал, — возразил я. — Мы фиксируем срок. Ровно семьдесят два часа с этой минуты. На эти трое суток вы берете на себя обязательство не публиковать утверждения о подделке данных именно по этим четырем файлам. Редакция сохраняет за собой абсолютное право собирать любую другую информацию, работать с открыты-

ми базами и опрашивать экспертов. Никаких соглашений о неразглашении. Никаких запретов на публикацию после истечения срока.

— А взамен?

— Взамен вы получаете официальный протокол независимого аудита. Если калибровки подтвердятся — у вас на руках будет не мутная анонимка, а заверенный аудиторский факт с подписью Веденеевой. С ним вы сможете выйти на любую полосу, и ни один суд в стране не сможет обвинить вас в клевете. Если калибровки окажутся фальшивкой — вы сохраните имя и не выпустите ложь.

Арина молчала.

Она медленно открыла блокнот, взяла ручку и нарисовала на чистом листе короткую линию. Ее поза была абсолютно спокойной, но я видел, как напряглась тонкая линия ее ключиц под воротом черного свитера. Она взвешивала риски.

— Вы отдаете себе отчет, Максим Алексеевич, что если аудит подтвердит подлинность таблиц, сделка вашей компании будет сорвана? — спросила она тихо. — Совет директоров отстранит вас в тот же день. Зачем вы это делаете? Почему не стандартный судебный иск, как делают все на вашем месте?

Этот вопрос висел в воздухе с первой секунды нашей встречи. И на него нельзя было ответить заученной корпоративной репликой.

Я выдержал ее взгляд. Без снисхождения, без попытки по-

нравиться или разжалобить.

— Потому что я руковожу компанией, производящей медицинское оборудование, Арина Ильинична. И если наши приборы ошибаются в диагнозах, спасти сделку ценой человеческих жизней я не намерен. Но чтобы остановить конвейер или пойти против собственного совета директоров, мне нужны доказательства, а не шум в прессе. Мне нужна точность. Такая же точность, с какой вы составили свой вчерашний запрос.

Она не отвела взгляда. На секунду мне показалось, что в глубине ее зрачков промелькнуло нечто похожее на удивление, но оно тут же растворилось в профессиональной сосредоточенности.

Она провела пальцем по краю деревянного стола.

— Четыре файла. Только контрольные суммы. Никаких копий исходного кода, никаких метаданных. Аудит ведет лично госпожа Веденеева, без привлечения вашей службы безопасности и штатных юристов.

— Согласен, — коротко ответил я.

— Срок истекает ровно через семьдесят два часа. В пятницу, в десять утра. Если к этому моменту у меня на столе нет официального промежуточного заключения аудита — «Линия факта» публикует расследование на основе открытого реестра и фиксирует отказ руководства компании от прямых ответов.

— Принимается.

Софья Андреевна бесшумно пододвинула к себе защищенный терминал — небольшой автономный прибор, не имеющий выхода в общую сеть, предназначенный исключительно для криптографической фиксации данных.

— Арина Ильинична, вы готовы ввести контрольные параметры?

Арина достала из кармана жакета небольшую запечатанную карту памяти в пластиковом защитном футляре. Вставила ее в считыватель терминала. Ее пальцы двигались быстро, без единой лишней заминки — четко, уверенно, как у человека, привыкшего работать с техникой в полевых условиях.

На экране побежали короткие строки системных команд. Четыре ключевых документа: Заводской журнал сборки опытной партии комплексов за июль шестнадцатого года. Протокол калибровки оптических сенсоров версии 18.02. Внутренняя служебная записка отдела биохимических разработок о смещении порогов чувствительности. И сводная таблица сравнительных тестов на контрольных сыворотках.

Терминал тихо пискнул, завершая вычисление. На монохромном экране высветились четыре длинные буквенно-цифровые строки. Уникальные цифровые следы, которые невозможно симитировать или подогнать.

Софья подключила компактный портативный принтер. Механизм сухо застрекотал, выдавая три узкие бумажные полосы с контрольными данными, датой и точным временем

вплоть до секунды.

— Протокол сформирован, — произнесла Веденеева. — Три экземпляра. Редакция, независимый аудит, генеральный директор. Я подписываю первой.

Она быстро расписалась на всех трех листах. Затем передала их Арине.

Арина взяла свою ручку. Ее подпись была резкой, с длинным прямым росчерком, уходящим вверх. Закончив, она пододвинула листы мне.

Когда я забирал бумагу из ее рук, кончики наших пальцев случайно соприкоснулись.

Это длилось всего мгновение, но я отчетливо ощутил тепло ее кожи на фоне ледяного воздуха переговорной. Арина не отдернула руку испуганно, но ее дыхание на долю секунды замерло. Я поймал ее взгляд — в нем не было страха, но возникло то едва уловимое, острое напряжение, которое возникает между двумя людьми, когда они внезапно осознают: дистанция сократилась до предела, и за ней начинается совершенно другая территория.

Я поставил свою подпись под каждым экземпляром. Ровно, четко, зафиксировав принятые обязательства.

— Софья Андреевна, — обратился я к Веденеевой, возвращая ей один экземпляр. — Начинайте процедуру прямо сейчас. Допуск на заводской серверный узел я подписал перед выездом. Служба безопасности уведомлена. Доступ в режиме «только чтение» предоставлен вашей рабочей группе.

— Я выезжаю на техническую площадку, — Софья поднялась, аккуратно убрала терминал и свой экземпляр в кожаный кейс. — Максим Алексеевич, Арина Ильинична. Всего доброго. До пятницы, десять ноль-ноль.

Она вышла из переговорной, оставив за собой шлейф строгого древесного парфюма.

Дверь закрылась.

Мы остались одни.

В огромной комнате с прозрачными стенами повисла плотная, почти физически ощутимая тишина. Дождь за окном усилился, серые потоки воды размывали очертания высоток на горизонте.

Арина не спешила уходить. Она спрятала свой экземпляр протокола в карман жакета, закрыла блокнот, но руки оставила на полированном дереве.

— Вы рискуете больше, чем говорите вслух, Корнеев, — негромко произнесла она. В ее голосе больше не было репортерской сухости — только жесткая, взрослая наблюдательность. — Независимый аудит нельзя отозвать назад. Если Веденеева найдет подтверждение фальсификации, ваш совет директоров сожрет вас заживо. Вы не удержите компанию.

Я медленно поднялся из-за стола, подошел к окну и убрал руки в карманы брюк.

— Управлять компанией — не значит удерживать ее любой ценой, Лаврова. Иногда управлять — значит вовремя

включить аварийный тормоз, даже если от резкой остановки вылетят все стекла.

Она тоже встала. Подошла ближе, остановившись в паре шагов от меня. От нее слабо пахло прохладным ветром, дождевой водой и горьковатым черным кофе.

— А если тормоз включен слишком поздно? — спросила она, глядя на мое отражение в темном от дождя стекле.

Ее вопрос резанул по живому. Слишком близко к тому, что жгло меня изнутри последние шесть месяцев. На секунду мне захотелось сказать ей все. Рассказать про пропавшие серверные логи, про те самые семьдесят два часа задержки, про тщетные ночные поиски правды в вычищенных базах. Но я не имел права. Не сейчас. Любое признание в этот момент прозвучало бы как попытка оправдаться или переложить груз на ее плечи.

— Тогда приходится платить за ремонт, — ответил я, поворачиваясь к ней лицом. — Каждому, кто был за рулем.

Арина смотрела на меня долго, не моргая. В ее глазах не было сочувствия — в этом мире сочувствие стоило дешево. Но там появилось нечто куда более ценное: признание силы. Она увидела человека, который не станет прятаться за чужими спинами.

— Семьдесят два часа, Максим Алексеевич, — сказала она, слегка наклонив голову. — Время пошло.

— До пятницы, Арина Ильинична.

Она развернулась и ровным, быстрым шагом вышла из

переговорной. Стеклянная дверь закрылась за ней с тихим щелчком.

Я остался один.

На полированном столе лежал узкий белый лист с четырьмя контрольными строками. Четыре цифровых следа, за которыми стояли чьи-то сломанные судьбы, поддельные клинические испытания и десять лет чужого молчания.

Секундомер был запущен. Мы больше не были противниками, стоящими по разные стороны баррикад, но и союзниками мы не стали. Мы были двумя людьми, связанными хрупким протоколом и общим риском.

Я взял лист с контрольными суммами, сложил его вдвое и убрал во внутренний карман пиджака.

Впереди было трое суток. И за эти семьдесят два часа мне предстояло выяснить, кто именно десять лет назад стер восемнадцатую версию — и какую цену нам обоим придется заплатить, когда она вернется на свет.

Глава 5

Арина

Телефон начал вибрировать в восемь утра, когда я только выходила из вагона метро на «Новокузнецкой». Сначала три коротких сигнала рабочих чатов, затем звонок от Кости из отдела верстки, а следом — глухой, непрерывный зуммер прямого вызова от Елены Морозовой.

В утренней давке перехода, среди сотен спешащих людей в мокрых темных плащах, этот настойчивый гул в кармане звучал как сирена пожарной тревоги.

Я прижала трубку к уху, укрывшись за гранитной колонной:

— Да, Лена.

— Ты где? — голос главного редактора был непривычно плотным, без привычной иронии. Так она говорила только тогда, когда в типографии останавливали печатный станок или к зданию редакции подъезжали сотрудники с постановлением об обыске.

— Выхожу на Садовническую. Буду через десять минут.

— Бери такси или беги. И открой канал отраслевой аналитики, ссылку я тебе сбросила. Только не вздумай писать комментарии. Дождись меня.

Связь оборвалась.

Я шагнула на мокрый эскалатор и разблокировала экран

смартфона.

Ссылка вела на крупный анонимный канал с полусотней тысяч подписчиков — закрытую информационную помойку для топ-менеджеров фармы, медицинских чиновников и инвестиционных банкиров. Там редко публиковали слухи о личной жизни, специализируясь на жестких корпоративных сливах, срывах контрактов и заказных атаках перед крупными сделками.

Пост появился сорок минут назад.

Сверху жирным шрифтом горел заголовок: «Цена независимости: как редакция „Линии факта“ готовит почву для шантажа перед продажей „Веритас Мед“».

Ниже шло видео.

Я нажала на воспроизведение, чувствуя, как холодная волна медленно поднимается от пальцев к горлу.

Это не была мутная съемка из-под полы случайного прохожего. Запись велась с хорошей широкоугольной камеры наблюдения в холле двенадцатого этажа делового центра на Павелецкой — прямо напротив дверей нашей переговорной.

Ролик длился всего двадцать две секунды, но каждая из этих секунд была вырезана с хирургической, беспощадной точностью.

Вот я выхожу из лифта с рабочей сумкой на плече. Вот тяжелая дубовая дверь открывается, и ко мне навстречу выходит Максим Корнеев. Он подает мне руку, я вкладываю свою ладонь в его пальцы, мы замираем на долю секунды.

Ракурс выбран так, что коридор кажется абсолютно пустым. Никакого администратора.

Следующая склейка — крупный план через стекло. Кадр кадрирован так безжалостно, что Софья Веденеева, сидевшая по правую руку от Максима, просто осталась за границей изображения. Видны только мы вдвоем: я наклоняюсь вперед, что-то говорю, он внимательно смотрит мне в лицо. Затем резкий монтажный переход к финалу — я забираю узкий белый лист со стола, прячу его во внутренний карман жакета, а Корнеев провожает меня долгим, нечитаемым взглядом у самого порога.

Звука не было. Вместо него внизу бежали титры: «Вчера утром специальный корреспондент отдела исследований Арина Лаврова провела закрытую двухчасовую встречу с главой компании один на один. Предмет торга — блокировка негативных публикаций о техническом состоянии станций перед решающим заседанием совета директоров. На кадрах видно, как журналистка получает закрытый документ и покидает здание без лишних свидетелей».

Под постом уже набежало две сотни комментариев. Отраслевые пиарщики и анонимные аккаунты смаковали подробности: «Классическая схема Лавровой», «Девочка решила сорвать куш перед сделкой года», «Кто бы сомневался в чистоте их исследований».

Я заблокировала экран.

Сердце стучало глухо и тяжело, но паники не было. Вме-

сто нее внутри включился тот самый ледяной репортерский счетчик, который всегда спасал меня в критические моменты.

Это был профессиональный ход. Чистый, расчетливый и нанесенный точно в уязвимое место.

Они не стали опровергать наш запрос. Они не пошли в суд с исками о защите чести и достоинства, потому что в суде пришлось бы показывать подлинные калибровочные протоколы. Они ударили по единственному ресурсу, который держит независимое издание на плаву — по репутации автора.

Если журналист выглядит как вымогатель или купленный посредник, любой опубликованный им факт автоматически превращается в заказной вброс. И ни один совет директоров, ни один кредитор больше не станет слушать мои вопросы о пропущенной восемнадцатой версии.

Когда я вошла в редакцию, в ньюсруме стояла неестественная, вязкая тишина.

Обычно в это время здесь стоял рабочий гул: стучали пальцы по клавиатурам, кто-то спорил с министерскими секретарями, шумел принтер. Сейчас все головы были повернуты к проходу. Костя из отдела иллюстраций замер с чашкой в руках, не решаясь поднять глаза. Младшие репортеры переглядывались, быстро убирая телефоны под столы.

Я не стала опускать голову и не ускорила шаг. Спокойно прошла по центральному коридору, повесила пальто на вешалку и толкнула стеклянную дверь кабинета главного ре-

дактора.

Внутри были двое.

Елена Морозова стояла у окна спиной ко мне, скрестив руки на груди. За круглым приставным столом сидела Надежда Романова. Перед юристом лежал открытый ноутбук и вчерашняя синяя папка с материалами по «Веритас Мед».

— Закрой дверь на защелку, Арина, — не оборачиваясь, бросила Елена.

Я повернула фиксатор. Металлический щелчок прозвучал в тишине кабинета как выстрел.

Морозова резко развернулась. Ее лицо было бледным, но губы сжаты в тонкую, жесткую линию:

— Ты видела?

— Видела. В метро.

— Нам уже оборвали телефоны из двух информационных агентств и пресс-службы профильного комитета, — Елена подошла к столу, с силой упершись в него ладонями. — Спрашивают, готовит ли редакция опровержение и на каких основаниях специальный корреспондент берет закрытые документы у генерального директора без публичной аккредитации. Учредители звонили пять минут назад. Требуют отстранить тебя от темы до выяснения обстоятельств.

— Этого делать нельзя, — не повышая голоса, сказала я. — Если вы меня отстраните, это будет прямым признанием нашей вины. Они добиваются именно этого: выбить меня из расследования и заставить редакцию оправдываться вместо

того, чтобы проверять комплекс.

— А чем мы сейчас занимаемся, Лаврова?! — Елена сорвалась на глухой, злой полусшепот. — Мы горим! Ролик разлетается по всем каналам. Через два часа его подхватят федеральные медиа. С какой формулировкой мы выйдем к читателям? «Это не то, что вы подумали, мы просто сверяли контрольные суммы»? Да кто в это поверит, когда на видео ты берешь бумагу из рук Корнеева, а вокруг — ни одной живой души?

— Я сидела в холле на первом этаже, — спокойно вмешалась Надежда, подняв глаза от экрана. Ее голос подействовал на Морозову как холодный душ. — У меня есть электронный пропуск в здание, зафиксированный турникетом. У меня есть копия редакционного задания с исходящим номером.

— Твой пропуск доказывает только то, что ты пила кофе внизу! — отрезала Морозова. — А на двенадцатом этаже в переговорной сидела она. Одна.

— Я была там не одна, Лена, — я подошла к столу вплотную. — В переговорной сидела Софья Веденеева. Она сидела справа от Корнеева все сорок минут. Она лично сняла контрольные хэши с моих файлов и первой подписала протокол. Ее просто вырезали из кадра.

Надежда быстро застучала по клавишам:

— Я уже прогнала ролик через покадровый просмотр. Это не нейросеть и не дипфейк. Видеоряд абсолютно под-

линный. Физическая камера охранного наблюдения, установленная под потолком в углу холла. Но там две грубые монтажные склейки. На седьмой секунде и на четырнадцатой. В момент, когда Веденеева садится в кресло, картинку скадрировали по правому краю, обрезав треть стола. А кусок, где Софья достает защищенный терминал и портативный принтер, просто выброшен.

— Вырезанный кусок никого не интересует в телеграме! — бросила Морозова, нервно перебирая бумаги. — Интересует картинка. И на картинке — закрытый сговор. Нужно немедленно выпускать заявление редакции. Жесткое, с указанием на провокацию и угрозой судебного иска авторам канала за распространение клеветы.

— Нет, — твердо сказала я.

Елена замерла, вскинув подбородок:

— Что значит «нет»?

— Заявление с угрозами иска от редакции — это реакция испуганного любителя, — я говорила тихо, но чеканила каждое слово, чувствуя, как внутри звенит натянутая струна. — Если мы сейчас начнем кричать про провокации и обещать суды, мы втянемся в чужую повестку. Читатель увидит только одно: журналистку поймали за руку, и теперь ее издание истерит и защищает мундир. Оправдываться нельзя. Никогда.

— И что ты предлагаешь? Сидеть и обтекать, пока нас поливают грязью?

— Я предлагаю ответить фактом на факт, — я указала пальцем на экран ноутбука Надежды. — Ролик смонтирован. Исходная запись существует на серверах службы безопасности делового центра на Павелецкой. Там есть полная дорожка без купюр, с непрерывным таймкодом и общим планом, где видно и Софью Веденееву, и ее терминал, и то, как мы подписываем не чеки, а трехсторонний аудиторский протокол.

Надежда покачала головой:

— Служба безопасности бизнес-центра не отдаст видеозапись по первому требованию журналистов. Это режимный объект коммерческой недвижимости. Официальный адвокатский запрос займет до пяти рабочих дней. Пока они ответят, репутационный ущерб станет необратимым.

— Адвокатский запрос не нужен, — я достала из кармана телефон. — На встрече присутствовала Веденеева. Она — официальный аудитор с особыми полномочиями от комитета кредиторов. Аренда переговорной оформлялась через ее рабочий контракт. У нее есть прямой доступ к протоколам безопасности площадки.

Елена прищурилась, внимательно глядя на меня:

— Ты хочешь позвонить Корнееву? Попросить его снять запись?

— Ни в коем случае, — отрезала я.

Эта мысль даже на секунду не появлялась у меня в голове. Если я сейчас наберу Максима и попрошу его вмешаться, я

сама уничтожу границу, которую мы с таким трудом выстроили вчера. Я стану должницей. Человеком, которого влиятельный мужчина спасает своим административным ресурсом. И тогда расследование закончится, даже не начавшись.

— Мы действуем строго через независимый контур, — продолжила я. — Корнеев вчера сам передал все полномочия по проверке Софье. Я звоню Веденеевой. Официально, по каналу, зафиксированному во вчерашнем протоколе. Сообщаю о факте утечки и искажения процедуры независимого аудита. Этот ролик бьет не только по мне. Он ставит под сомнение нейтральность самой Веденеевой. А Софья Андреевна — не тот человек, который позволит вытирать ноги о свое имя.

Морозова помолчала несколько секунд, глядя в окно на серые крыши Москвы. Ее плечи постепенно опустились, ярость сменилась холодной репортерской сосредоточенностью.

— Звони, — коротко приказала она. — Ставь на громкую связь.

Я набрала рабочий номер Веденеевой.

Гудки шли долго. Первый, второй, третий. На четвертом в динамике раздался сухой, шелкающий звук соединения.

— Слушаю вас, Арина Ильинична, — голос Софьи звучал абсолютно ровно, словно она сидела в звукоизолированном бункере, куда не долетали никакие медийные бури.

— Доброе утро, Софья Андреевна. Вы видели утреннюю

публикацию в отраслевых каналах? — прямо спросила я.

— Видела. Двенадцать минут назад мне прислали ссылку из аппарата кредитного комитета.

— Вы понимаете, что произошло?

— Я прекрасно понимаю, что произошло, — в голосе аудитора прорезался металлический холод. — Кто-то получил несанкционированный доступ к системе видеонаблюдения нейтральной переговорной площадки, изъяс фрагмент записи технологической встречи и осуществил грубый монтаж с целью дискредитации начатой процедуры проверки. Это прямое воспрепятствование аудиторской деятельности и нарушение соглашения о конфиденциальности.

— Нам нужен исходный файл, Софья Андреевна, — сказала я. — Полная, непрерывная запись от момента нашего входа до выхода, с сохранением оригинальных метаданных и таймкода камеры. Без нее редакция не сможет закрыть эту атаку.

В трубке повисла короткая пауза. Было слышно, как на том конце шуршат листы плотной бумаги.

— Я уже запросила полный архив у службы безопасности делового центра на правах стороны договора аренды помещения, — ответила Веденеева. — Оригинальная запись заблокирована от перезаписи и передана в мой адрес на физическом носителе. Мои технические специалисты закончат верификацию контрольной суммы через пятнадцать минут.

— Вы передадите копию редакции? — спросила Елена

Морозова, наклонившись к телефону.

— Добрый день, Елена Сергеевна, — Софья безошибочно узнала голос главреда. — Я передам официальную копию с сопроводительным заключением независимой аудиторской группы. Но с одним условием: вы не устраиваете из этого публичное шоу с взаимными обвинениями. Вы публикуете только сухую покaдpовую свeркy и официальный факт: встреча проходила в присутствии руководителя аудита и была посвящена фиксации контрольных параметров.

— Договорились, — отрезала Морозова. — Надежда встретит курьера внизу.

— Курьер выезжает. Всего доброго.

Связь отключилась.

Мы с Еленой переглянулись. Первое препятствие было преодолено, но в воздухе кабинета по-прежнему висело тяжелое напряжение.

— Надежда, готовь формат короткого релиза, — распорядилась Морозова. — Никаких эпитетов. Ставим два кадра рядом: обрезанный из телеграма и полный из архива, где сидит Веденеева с терминалом. Даем таймкод и выдержку из протокола об открытии аудита. Пусть подавятся своей грязью.

— Будет готово через полчаса, — юрист закрыла блокнот и вышла из кабинета.

Я осталась стоять у стола. В висках тонко пульсировала усталость, но мозг продолжал крутить одну и ту же цепочку

деталей.

Кто слил видео?

Доступ к камерам бизнес-центра такого уровня невозможно получить за взятку дежурному охраннику на шлагбауме. Там стоит цифровая система с фиксацией каждого просмотра и каждого экспорта архива. Чтобы вытащить файл, смонтировать его за ночь и залить в топовые каналы к восьми утра, требовался не просто ресурс. Требовался прямой приказ и люди, умеющие работать быстро, бесшумно и без оглядки на закон.

Корнеев?

Я мысленно вернулась во вчерашнее утро. Вспомнила его прямой, тяжелый взгляд, твердое рукопожатие, его сознательный отказ от любых кулуарных предложений и ту тишину, в которой он сказал: «Если наши приборы ошибаются в диагнозах, спасти сделку ценой человеческих жизней я не намерен».

Мог ли он играть настолько изощренно? Заключение со мной протокол, а ночью слить смонтированную запись, чтобы связать мне руки и выставить вымогательницей?

Логика говорила «нет». Корнееву этот ролик был невыгоден больше, чем кому-либо. Видео било по компании накануне закрытия сделки, привлекало ненужное внимание кредиторов иставляло его самого слабым переговорщиком, вынужденным оправдываться перед прессой.

Тогда кто?

Через сорок минут в кабинет вернулась Надежда с тонким опечатанным конвертом. Внутри была флеш-карта и официальное письмо от группы Веденеевой с синей печатью.

Мы закрылись в технической комнате отдела верстки. Костя вывел оба файла на большой монтажный монитор: слева — видео из телеграм-канала, справа — исходную запись камеры безопасности.

Разница была видна невооруженным глазом.

На полном исходнике холл двенадцатого этажа дышал обычной рабочей рутинной. Было видно, как за две минуты до моего появления из переговорной выходит помощник администратора с графином воды. Видно, как Максим Корнеев открывает дверь, делает шаг в сторону, пропуская меня вперед, и как за столом уже сидит Софья Андреевна, раскладывая свои папки.

А на двадцать третьей минуте записи в кадре появлялся портативный принтер и все три подписи на узких контрольных полосах.

— Вот здесь, — Костя остановил кадр с исходника и приблизил нижнюю панель со служебными данными. — Смотри, Арина. Они даже не потрудились глубоко почистить контейнер видеофайла, когда заливали его в бот телеграма.

— Что там? — я наклонилась к экрану, вглядываясь в мелкие строчки системных параметров.

— Файл из телеграма был смонтирован сегодня ночью, в четыре утра сорок две минуты, — Костя быстро щелкал по

клавиатуре, вытягивая технический лог экспорта. — Монтировали в профессиональном редакторе. И рендеринг шел на рабочей станции, привязанной к внешнему статическому сетевому адресу.

— Ты можешь вытащить имя владельца сети? — спросила Морозова, стоявшая за моей спиной.

— Прямого имени физического лица там нет, это корпоративный пул, — Костя развернул окно трассировки. — Но диапазон адресов зарегистрирован на юридическое лицо. Общество с ограниченной ответственностью «Медиа-Вектор».

Я выпрямилась. Название компании отозвалось в памяти четким, ясным щелчком.

Два дня назад, готовясь к первому запросу, я поднимала структуру владения и список подрядчиков «Веритас Мед».

«Медиа-Вектор» не был случайным агентством. Это была карманная структура, которая последние пять лет вела все закрытые коммуникационные кампании, мониторинг прессы и информационное сопровождение для одного конкретного человека.

Для председателя совета директоров «Веритас Мед» Виктора Савельева.

— Савельев, — негромко произнесла я, глядя на строчку с названием подрядчика.

Елена Морозова тяжело вздохнула и положила руку мне на плечо:

— Значит, это не Корнеев. Это его собственный совет директоров играет против него. И против нас.

— Они пытаются разорвать проверку изнутри, — сказала я, чувствуя, как внутри на место утренней тревоги приходит холодная, злая уверенность. — Савельев понял, что Максим не станет душить расследование силой, и решил ударить по нам обоим сразу. Выставить меня продажной, а Максима — скомпрометированным директором, который ведет сепаратные переговоры за спиной акционеров.

— Релиз готов, — Надежда развернула свой планшет. — Публикуем на нашем сайте и отдаем информационным лентам через пять минут. Два синхронных кадра, таймкод, заявление Веденеевой. Мы отобьем атаку за полчаса.

— Выпускай, — кивнула Морозова.

Юрист вышла из комнаты, чтобы отправить материал на верстку.

Я осталась у экрана.

На застывшем кадре исходной записи Максим Корнеев стоял у окна переговорной, глядя на мое отражение в темном стекле. В его позе не было ни капли фальши — только глухая, сдержанная тяжесть человека, несущего свой груз в одиночку.

Савельев сделал свой первый ход. Грубый, подлый, нацеленный на уничтожение.

Но в этой грязи проявилась главная истина, которую вчера мы оба пытались нащупать в темноте: Компания «Веритас

Мед» не была монолитом. Внутри нее шла скрытая, безжалостная война. И если председатель совета директоров пошел на открытую фабрикацию компромата, значит, версия восемнадцать действительно существовала.

И страх перед тем, что она выйдет наружу, был сильнее страха перед сорванной миллиардной сделкой.

Глава 6

Максим

На сорок второй этаж звуки уличного движения почти не долетали. Москва внизу казалась огромным, застывшим в тумане чертежом, по которому медленно ползли цепочки крошечных фар. В кабинете пахло остывшим эспрессо и бумагой — тем особым запахом перегретых лазерных принтеров, который всегда появляется перед крупными сделками, когда юристы печатают сотни страниц дополнительных соглашений.

Я сидел за рабочим столом, глядя на экран служебного монитора.

Ролик длился всего двадцать две секунды.

Я просмотрел его трижды. Без звука, вглядываясь в каждый пиксель, в каждую склейку. Монтаж был выполнен рукой профессионала, привыкшего уничтожать чужие карьеры без лишнего шума. Угол обзора внешней камеры бизнес-центра был искусно урезан: правая сторона стола, где сидела Софья Веденеева с терминалом и регистрационным бюваром, оказалась аккуратно срезана рамкой кадра. В кадре остались только двое: Арина Лаврова, забирающая бумагу, и я, стоящий напротив.

Внизу бежали титры о «закрытом торге» и «покупке молчания прессы».

Удар был рассчитан с ювелирной точностью. Он бил одновременно по двум целям.

Первая — Лаврова. Журналистку превращали в вымогательницу, чьи вопросы к качеству медицинского комплекса отныне будут восприниматься рынком как банальная попытка сбить цену или вытрясти отступные.

Вторая цель — я. Для совета директоров и кредиторов этот ролик становился идеальным поводом обвинить временного генерального директора в превышении полномочий и кулуарных сговорах за спиной акционеров. С таким обвинением совет мог проголосовать за досрочное прекращение моего контракта уже к вечеру.

Дверь распахнулась без стука.

Виктор Савельев вошел в кабинет стремительно, даже не сняв пальто из темного кашемира. Шарф был небрежно сдвинут набок, в глазах горел тот жесткий, торжествующий огонь, который появляется у игроков, уверенных, что поймали противника на ошибке.

Следом за ним в кабинет вошла руководитель нашей объединенной пресс-службы Тамара Воронова — бледная, с планшетом, зажатым обеими руками на груди, словно щитом.

— Ты это видел? — Виктор подошел к столу, бросив на край кожаные перчатки. — Двадцать минут назад ссылка ушла во все профильные каналы. Телефон разрывается. Звонили из ассоциации производителей, звонили аналитики ин-

вестбанка.

— Видел, — спокойно ответил я, не поднимаясь с кресла.
— Садись, Виктор.

— Мне некогда расслаживаться, Максим. Мы на пороге катастрофы, которую ты устроил своими руками, — Савельев оперся кулаками о полированную столешницу, нависая надо мной. — Я вчера предупреждал тебя: не смей вступать с ними в переговоры. Не смей садиться за один стол с девицей из бульварной газеты. Ты решил поиграть в открытость? В благородного управляющего? Поздравляю. Теперь вся отрасль уверена, что генеральный директор «Веритас Мед» платит шантажистам, чтобы скрыть дефекты приборов перед закрытием книги заявок.

Тамара нервно кашлянула:

— Максим Алексеевич, мы подготовили проект экстренного заявления компании. Согласован с юридическим блоком. Текст максимально жесткий.

Она протянула мне планшет.

Я опустил глаза на экран.

Каждое предложение в черновике сочилось агрессией: «Провокация недобросовестных медиа», «попытка оказать давление на стратегическое предприятие накануне реструктуризации», «руководство заявляет об обращении в правоохранительные органы по факту шантажа и вымогательства». И в финале — требование к редакции «Линии факта» немедленно отозвать зарегистрированный запрос и при-

нести публичные извинения.

— Вы это всерьез? — я поднял взгляд на Воронову.

Тамара растерянно моргнула, покосившись на председателя совета.

— А что тебя не устраивает, Корнеев? — перебил ее Савельев, выпрямляясь. — Это классическая защита. Мы перехватываем инициативу. Объявляем их запрос грязным заказом конкурентов. Если мы сейчас ударим первыми, никто не станет читать их разоблачения, даже если они что-то напечатают. Читатели запомнят только одно: журналистка попалась на сливе, издание оправдывается, компания защищает закон. Через два дня тема сдохнет.

— Эта тема не сдохнет, — отчеканил я, кладя планшет обратно на стол экраном вниз. — Она взорвется прямо под нами.

— Почему это? — прищурился Виктор.

— Потому что это заявление — прямая, задокументированная ложь, — я говорил ровно, взвешивая каждое слово. — Встреча не была кулуарной. Она проходила в присутствии независимого аудитора Софьи Веденеевой, чей мандат утвержден специальным комитетом кредиторов. На встрече велся протокол, подписанный тремя сторонами. Никаких денег или ультиматумов там не звучало. Если мы выпустим этот текст, мы официально подпишемся под клеветой.

— И кто об этом узнает? — усмехнулся Савельев. — Веденеева? Она наш подрядчик. Она промолчит, если совет ди-

ректоров четко даст понять, чем рискует ее компания.

— Софья Андреевна не станет молчать, — отрезал я. — Ее подпись под отчетами стоит дороже, чем весь наш годовой пиар-бюджет. А кроме того, Виктор, в переговорной висела не одна камера. Бизнес-центр фиксирует все происходящее на собственный сервер. Полная, непрерывная запись существует.

Савельев на мгновение замер. В глубине его зрачков мелькнула тень расчета, но лицо осталось жестким:

— Архивы бизнес-центра закрыты. Служба безопасности чужого здания не выдаст запись по звонку из редакции. Им понадобятся недели судебных запросов. За это время мы закроем сделку.

— Выпустить ложное заявление от имени компании я не позволю, — сказал я, глядя ему прямо в глаза. — Пока действует мой контракт, ни один официальный релиз «Веритас Мед» не выйдет без моей электронной визы. Тамара, удалите этот черновик.

Воронова побледнела еще сильнее и торопливо забрала планшет, не решаясь перечить.

Савельев шагнул вперед. Его голос упал до тихого, угрожающего шепота:

— Ты забываешься, Максим. Твой контракт держится на доброй воле акционеров. Ты временная фигура. Функция. Твое дело — подписать передаточные акты и обеспечить тишину в прессе. Если ты встаешь на сторону газетчицы, ко-

торая копает под компанию, я соберу внеочередной совет директоров прямо сегодня. Мы поставим вопрос о твоём немедленном отстранении за действия в ущерб интересам акционеров.

— Собирайте, — ответил я, не отводя взгляда. — У вас есть право созвать совет. Но чтобы снять меня до окончания аудита, вам потребуется единогласное решение пула банков. А я прямо на этом совете под протокол положу перед представителями банков оба документа: смонтированный ролик и полную видеозапись встречи. И задам вопрос: кто именно из руководства оплатил монтаж и слив записи с закрытой территории, подставив компанию под публичный скандал за две недели до сделки?

Виктор скривил губы в холодной усмешке:

— Ты никого ни в чём не обвинишь, Корнеев. У тебя нет доказательств.

— Вот совет и проверит, у кого они есть, — я указал рукой на дверь. — Разговор окончен, Виктор Сергеевич. Займитесь подготовкой документов к совету. А операционную повестку оставьте мне.

Савельев молча забрал свои перчатки со стола. Развернулся на каблуках и вышел, не проронив больше ни слова. Следом за ним, бесшумно прикрыв за собой дверь, выскользнула Воронова.

Я остался один.

Пульс глухо отдавал в висках, но внутри сохранялась аб-

солютная, почти ледяная ясность. Первая волна отбита, но это была лишь разминка. Савельев пошел ва-банк, и времени оставалось катастрофически мало.

Я снял трубку и нажал кнопку вызова службы корпоративной безопасности.

— Артём, зайди ко мне. Один.

Через три минуты в кабинет вошел Артём Белецкий. Высокий, подтянутый, в безупречно сидящем темно-сером костюме без лишних складок, он выглядел не как отставной силовик, а как старший партнер аудиторской фирмы. Белецкий руководил безопасностью холдинга четыре года, знал каждый кабель в серверных и придерживался одного железного правила: действовать строго в рамках закона, не оставляя хвостов, за которые потом придется отвечать в суде.

Он сел напротив меня, положив на колени закрытый рабочий блокнот.

— Вы по поводу утреннего видео, Максим Алексеевич?

— По поводу него, — я кивнул на темнеющий экран. — Откуда ушла запись?

— Бизнес-центр на Павелецкой — не наша территория, — четко начал Белецкий. — Прямого доступа к их камерам у моей службы нет и никогда не было. Но утром, как только ролик появился в сети, я связался с их руководителем охраны в рамках рабочего взаимодействия.

— И что там?

— Ночью был зафиксирован экспорт фрагмента архива

с сервера локального видеонаблюдения, — негромко произнес Артём. — Экспорт производился по служебной учетной записи дежурной смены бизнес-центра. Кто-то банально заплатил оператору наличными за копию на флешку. Человек уже не вышел на утреннюю смену, телефон отключен.

— А дальше?

— Дальше ролик ушел на постобработку. Монтировали не у нас. Внутри периметра «Веритас Мед» никаких следов работы с этим файлом нет, серверные журналы чисты. Но я проверил исходящую почту и технические запросы секретариата совета директоров за последние сутки. Вчера в шестнадцать тридцать от имени аппарата председателя совета ушел запрос в стороннее коммуникационное агентство «Медиа-Вектор». Предмет — «срочный мониторинг и подготовка оперативных медиаматериалов».

Я усмехнулся про себя. Круг замкнулся.

— Мы можем официально связать заказ на монтаж с этим договором?

Белецкий покачал головой:

— Законными методами — нет, Максим Алексеевич. Договор с «Медиа-Вектором» рамочный, подписан председателем совета в пределах его лимита представительских расходов. В техническом задании значатся общие фразы об управлении репутационными рисками. Чтобы вскрыть их рабочую переписку или изъять рабочие станции агентства, нужно уголовное дело и постановление следователя. В рамках моих

должностных полномочий я могу лишь зафиксировать факт совпадения времени и контрагента.

— Незаконных методов не будет, — отрезал я. — Никаких скрытых взломов, никакой прослушки. Все, что мы кладем на стол, должно выдерживать судебную экспертизу.

— Понял вас, — кивнул Белецкий. — Какие будут указания?

— Первое: зафиксировать и заархивировать служебный лог исходящей почты секретариата совета за вчерашний день. Снять контрольную цифровую подпись, положить в закрытый сейф. Второе: усилить консервацию заводских серверов по шестнадцатому году. Любой запрос к тем базам — только через меня лично.

— Будет исполнено.

Артём поднялся и вышел.

Я остался в тишине кабинета. На столе завибрировал личный телефон. На экране высветилось имя Софьи Веденевой.

Я снял трубку:

— Слушаю вас, Софья Андреевна.

— Максим Алексеевич, вы видели публикацию? — ее голос звучал ровно, но в нем чувствовался знакомый профессиональный металл.

— Видел. Только что выставил из кабинета Савельева с проектом обвинительного релиза.

— Правильно сделали, — сухо заметила Веденева. —

Мне звонили из редакции «Линии факта». Лаврова и Морозова. Они запрашивали исходную запись.

Я на секунду замолчал, чувствуя, как внутри натягивается струна. Лаврова не стала звонить мне. Не стала просить помощи, не попыталась апеллировать к нашему вчерашнему разговору. Она пошла строго по протоколу — через независимого аудитора.

В этом читалась та самая гордость и профессиональная жесткость, которую я оценил в ней еще вчера. Никаких личных долгов. Никаких компромиссов.

— Вы передали им файл? — спросил я.

— Я передала официальную копию с заключением аудиторской группы, — ответила Софья. — Как сторона договора аренды переговорной я имела законное право изъять полный архив у службы безопасности бизнес-центра. Но мне нужно ваше решение как руководителя «Веритас Мед». Если компания сейчас заявит, что аудит не имел права предоставлять эти материалы прессе, вы поставите под удар соглашение о проверке.

Это был развилочный момент.

Я мог воспользоваться ситуацией. Корпоративный протокол давал мне массу лазеек. Я мог сказать Софье: передайте запись, но с условием. Пусть редакция заморозит расследование по калибровкам шестнадцатого года не на семьдесят два часа, а до конца месяца. Пусть они согласуют финальный текст с нами. Пусть дадут обещание не называть имя компа-

нии в негативном ключе.

Любой кризисный менеджер на моем месте выжал бы из этой ситуации максимум. Спас репутацию журналистки в обмен на контроль над ее материалом. Поставил бы ее в зависимость от своего решения.

Но я вспомнил ее глаза. Тот спокойный, прямой взгляд через деревянный стол переговорной. Взгляд человека, который скорее сломает перо и уйдет из профессии, чем согласится плясать под чужую дудку.

Если я сейчас попытаюсь выставить ей счет за эту запись, я стану ничем не лучше Савельева. Я разрушу ту едва возникшую, хрупкую основу, на которой только и можно было докопаться до истины.

— Максим Алексеевич? — повторила Веденеева в трубке.
— Какова позиция компании?

— Позиция однозначная, — твердо произнес я. — Вы действуете в рамках независимого мандата. Полная видеозапись встречи передается редакции без каких-либо встречных условий и ограничений. Более того: я прямо сейчас подписываю официальное подтверждение от генерального директора о том, что вчерашняя встреча носила регламентный характер в рамках аудита нематериальных активов.

В трубке повисла тишина. Софья Андреевна помолчала пару секунд, явно взвешивая мой ответ.

— Вы понимаете, Максим, что отдаете им козырь задаром? — негромко спросила она. — Они снимут с себя любые

подозрения за двадцать минут. А совет директоров за этот шаг выставит вам счет. Савельев не простит вам того, что вы выбили у него из рук такую карту против прессы.

— Правда не продается пакетами, Софья Андреевна, — ответил я. — Если председатель совета развязал войну чужими руками, компания не будет прикрывать его подлость. Передавайте документы.

— Документы уже у курьера, — в ее голосе прозвучало редкое для нее, едва уловимое одобрение. — Я приобщаю этот инцидент к материалам проверки.

Мы попрощались.

Я открыл служебную почту и набрал короткое официальное уведомление членам совета директоров и представителям синдиката банков-кредиторов.

Никаких эмоций. Сухой язык фактов: «Уведомляю, что распространенная в сети видеозапись встречи с представителями СМИ является продуктом умышленного монтажа. Полная версия записи подтверждает официальный характер технологической сверки параметров в присутствии независимого аудитора. Компания предоставила исчерпывающие разъяснения. Напоминаю, что любые публичные заявления от имени «Веритас Мед», не согласованные с генеральным директором, прямо нарушают соглашение о санации и влекут риск приостановки кредитных линий».

Я нажал кнопку отправки.

Письмо разошлось по адресам.

Ответная реакция последовала через десять минут. На внутреннем портале вспыхнуло три уведомления от членов совета, входящих в окружение Савельева. Требование о созыве экстренного заседания. Формулировка повестки: «О пределах полномочий временного генерального директора и рисках разглашения закрытых сведений».

Я закрыл портал. Цена была назначена. Земля под моими ногами зашаталась еще сильнее, но отступить было некуда.

Около полудня на сайте «Линии факта» вышел материал.

Я открыл страницу. Никаких криков, никаких обвинений в адрес руководства «Веритас Мед». Редакция сработала безупречно. Два синхронных видеокадра рядом: урезанный фальшивый и полный оригинальный, на котором отчетливо видна Софья Веденеева, регистрационные листы и работающий терминал. Ниже — сухая техническая справка о выявленных следах монтажа и официальное подтверждение независимого аудитора.

Атака рассыпалась в прах за какие-то полчаса. В отраслевых каналах уже удаляли утренние посты, сменяя их растерянными комментариями о «неудавшейся информационной провокации».

В двенадцать сорок на мой служебный номер пришло входящее сообщение.

Не с общего адреса редакции. Прямое сообщение по защищенному каналу, зафиксированному во вчерашнем протоколе.

Отправитель: Арина Лаврова.

Текст состоял из двух коротких предложений: «Официальное подтверждение генерального директора принято к сведению редакции. Но это не делает нас союзниками, Максим Алексеевич, и не отменяет регламентные семьдесят два часа».

Я смотрел на эти строчки несколько секунд.

Без благодарности и без намека на сближение — только железная, выверенная дистанция. Она словно заранее отсекала любую возможность того, что я сочту ее обязанной мне за переданные доказательства.

Она защищала свою независимость так же яростно, как я защищал границы своей ответственности.

И в этой ее бескомпромиссности было то, что заставляло относиться к ней не просто как к опасному противнику или случайному попутчику.

Я положил пальцы на клавиатуру и набрал ответ: «Я и не рассчитывал на союз, Арина Ильинична. Как и на скидки. Действуйте строго по протоколу».

Нажал кнопку отправки.

Экран погас.

Где-то в закрытом контуре экспертного центра Софья Веденеева прямо сейчас сверяла первые контрольные суммы пропавшей восемнадцатой версии.

Глава 7

Арина

Комната независимой экспертизы на седьмом этаже экспертного центра пахла не кофе и не осенним дождем. Здесь пахло озоном, сухим кондиционированным холодом и чуть нагретой пластмассой серверных стоек. В таких помещениях не вешают жалюзи на окна — окон не было вовсе, только глухие шумопоглощающие панели графитового цвета и матовые потолочные светильники, заливавшие длинный металлический стол ровным, безжалостным белым светом.

Шел четвертый день расследования. В запасе у нас осталось меньше тридцати часов из тех семидесяти двух, о которых мы договорились на Павелецкой.

Я сидела на неудобном вращающемся стуле, застегнув шерстяной кардиган до самого горла, и прижимала ладонь к карману сумки. Там, в мягком внутреннем отделении, лежала черная карта памяти с анонимным архивом.

Вчерашняя медийная атака захлебнулась. Поддельный ролик Савельева стерли из большинства отраслевых каналов после того, как наш сайт выкатил покадровую сверку с оригиналом, а редакция опубликовала сухую выдержку из заявления Веденеевой. Корнеев сдержал слово: он не стал торговаться, не потребовал смягчить тон наших будущих текстов и не попытался навязать свою версию событий. Его короткое

ночное сообщение до сих пор стояло перед глазами: «Действуйте строго по протоколу».

Это было честно. Но именно эта честность делала ситуацию еще опаснее. Противники, которые не покупают молчание и не опускаются до истерик, не прощают ошибок. Если сейчас, в этой стерильной комнате, мои файлы не сойдутся с заводскими базами, всё расследование рассыплется в прах.

Справа от меня сидела Надежда Романова. Наш юрист положила перед собой открытый ежедневник, поверх него — тонкую стальную ручку и замерла в той собранной, неподвижной позе, в которой обычно ждут оглашения судебного вердикта.

Напротив нас за отдельным терминалом расположилась Софья Веденеева.

В строгом темно-сером костюме-двойке, без малейших следов усталости на безупречном лице, она казалась частью этого изолированного цифрового контура. Перед ней стоял защищенный ноутбук промышленного исполнения — тяжелый, в ударопрочном корпусе из магниевого сплава, без беспроводных модулей, подключенный толстым экранированным кабелем к закрытому накопителю. На этом накопителе находились полные образы серверов компании «Веритас Мед», законсервированные службой безопасности Корнеева в первый же день.

— Начнем с регламента, коллеги, — Софья Андреевна подняла взгляд от монитора. Голос ее звучал негромко, но

наполнял комнату с отчетливостью метронома. — Максим Алексеевич подписал распоряжение о предоставлении аудиторской группе права сопоставления контрольных параметров. Но чтобы я могла сформировать официальный отчет для специального комитета кредиторов, процедура должна обладать свойством воспроизводимости.

— Что именно вы имеете в виду под воспроизводимостью? — спросила Надежда, слегка прищурившись.

— Мне нужен исходный массив, — спокойно произнесла Веденева, глядя мне прямо в глаза. — Не только четыре цифровые контрольные суммы, которые мы зафиксировали два дня назад. Чтобы подтвердить, что ваши файлы — это подлинные технические протоколы завода, а не скомпилированный кем-то текст, я должна смонтировать полученный вами архив в изолированную рабочую среду аудита и прогнать его через сквозной анализ системных связей.

Внутри меня словно захлопнулась стальная створка.

Я инстинктивно подалась назад, еще плотнее прижав локоть к сумке.

— Исключено, — отрезала я. — Мы договаривались на Павелецкой: редакция не передает материалы архива проверяемой стороне. Ни на флешке, ни через защищенный провод. Никак.

Софья даже бровью не повела. Она аккуратно поправила манжету шелковой блузки:

— Проверяемая сторона — это акционерное общество

«Веритас Мед». Я руковожу независимой группой. Мой контракт защищен специальным положением о санации, я не подчиняюсь совету директоров и не обязана согласовывать с менеджментом свои выводы.

— Сегодня вы не подчиняетесь совету, а завтра совет добьется судебного предписания об изъятии материалов проверки, — мой голос прозвучал жестче, чем следовало, но я не собиралась уступать. — Если файлы попадут на ваш накопитель, они юридически окажутся внутри периметра корпоративного аудита. Адвокаты Савельева через три дня заявят, что это закрытая коммерческая тайна предприятия, наложат обеспечительные меры, опечатают ваши серверы, и мы никогда больше не сможем использовать эти документы. Я отвечаю перед источником. И перед своим изданием.

— Арина Ильинична, не путайте следственный эксперимент с публицистикой, — Софья сложила руки в замок на крышке стола. — Вы требуете от меня официальной подписи под документом, который способен сорвать сделку на десятки миллиардов рублей и повлечь уголовные дела по статье о создании опасности для здоровья граждан. Если я напишу в заключении: «Со слов специального корреспондента Лавровой, показавшей мне экран своего персонального компьютера», кредиторы поднимут меня на смех. Меня лишат лицензии. Мне нужна возможность повторить проверку в любой момент по требованию государственного регулятора. Либо мы монтируем пакет в проверочную среду, либо процедура

останавливается прямо сейчас. По вашей инициативе.

Софья замолчала и ждала решения.

Я чувствовала, как по виску сползает капля пота. В ловушку меня загнало не коварство Савельева и не корпоративная мощь его холдинга. Меня прижала к стенке холодная, безукоризненная профессиональная логика.

Веденеева была права. Без подтвержденной подлинности источников наши четыре контрольные строки оставались просто набором букв и цифр. Любой эксперт в суде разобьет их за пять минут. Но отдать флешку означало потерять контроль.

Всю свою профессиональную жизнь я строила на одном железном правиле: держи доказательства сама. Не доверяй серверам редакции, не скидывай копии в облачные хранилища, носи оригиналы во внутреннем кармане. Если ты выпустила файл из рук — ты отдала свою защиту. Четыре года назад мой отец доверил рабочие журналы коллегам по лаборатории, поверил служебным обещаниям руководства — и остался виновным в чужом преступлении, потому что подлинники документов просто исчезли из сейфа, когда запахло уголовным делом.

Повторить его путь я не имела права.

— Есть решение, — нарушила молчание Надежда Романова.

Ее сухой, негромкий голос прозвучал как щелчок предохранителя. Мы обе повернулись к юристу.

Надежда открыла ежедневник, вырвала чистый лист и положила его на середину стола.

— Вы обе уперлись в тупик, потому что пытаетесь решить вопрос единоличного владения, — сказала Надежда, глядя то на меня, то на Веденееву. — Арина боится, что компания перехватит контроль над файлами. Софья Андреевна обоснованно требует процессуальной чистоты. Значит, контроль не должен принадлежать ни одной из сторон в отдельности.

— Распределенный контур? — Веденеева чуть склонила голову набок, уловив мысль раньше, чем Надежда договорила.

— Именно, — кивнула юрист. — Двухключевой протокол депонирования. Мы создаем криптографический контейнер прямо на этом изолированном терминале. В контейнер помещаются четыре проверяемых файла из архива Арины и соответствующие им архивные образы заводских баз «Веритас Мед» за шестнадцатый год. Контейнер шифруется алгоритмом с разделением секрета.

Надежда достала из кармана жакета две небольшие плоские флеш-карты в металлических корпусах, похожие на продолговатые ключи от сейфа.

— Генерируются два независимых мастер-ключа, — продолжила она. — Первый мастер-ключ передается на хранение юридической службе редакции в моем лице. Второй остается у руководителя группы независимого аудита Софьи Веденеевой. Открыть этот проверочный пакет, внести в него

изменения, скопировать файлы или расшифровать данные невозможно без одновременного физического присутствия обоих ключей в системе.

Я посмотрела на металлические флешки на столе.

Это значило, что я больше не смогу единолично распоряжаться этими файлами. Я не смогу в порыве злости или страха выдернуть карту памяти и уйти. Если материал пойдет в печать, юридическая база будет привязана к ключу Надежды. Расследование переставало быть моей личной тайной, моим закрытым убежищем. Оно становилось системой.

— Каков статус доступа для Корнеева? — спросила я, глядя на юриста.

— Нулевой, — отчеканила Надежда. — Генеральный директор не получает копии контейнера, не имеет собственного ключа и не может запросить расшифровку. Его служба безопасности имеет доступ только к внешним журналам серверной, подтверждающим, что в сам консервированный архив завода никто не вносил правок задним числом. Всё.

Веденеева несколько секунд барабанила тонкими ухоженными пальцами по корпусу ноутбука. В ее взгляде шла быстрая, холодная оценка рисков.

— Такой порядок меня устроит, — наконец произнесла она. — Протокол депонирования с разделением ключей полностью соответствует стандарту независимой проверки сложных нематериальных активов. Если кредитный комитет потребует повторной валидации, мы сможем развернуть ра-

бочую копию в присутствии судебного пристава или нотариуса. Арина Ильинична?

Я заставила себя разжать пальцы на ремне сумки.

Горло пересохло. Внутри все кричало: «Оставь файлы себе! Не отдавай ни байта чужим людям!». Но перед глазами стояло лицо отца — усталое, с серыми тенями под глазами, в тот последний вечер, когда он говорил мне: «Я думал, что если я знаю правду, этого достаточно. Оказалось, что правда в одиночку никого не спасает».

Отец остался один на один с корпорацией и погиб под ее колесами.

Я не имела права повторять его ошибку. Доверие системе — это не слепая вера в чужую доброту. Это конструкция, в которой ни у кого нет возможности украсть данные незаметно.

— Я согласна, — сказала я.

Я достала карту памяти из сумки и положила ее на полированный алюминиевый поддон считывателя.

Следующие двадцать минут в комнате звучали только короткие щелчки клавиш и сухое шуршание плотной бумаги. Софья развернула программу криптографической изоляции. На черном экране терминала замелькали зеленые системные строки. Четыре файла были перенесены в защищенное виртуальное хранилище. Программа запросила генерацию ключей.

Веденеева вставила в разъемы две металлические флеш-

ки. Раздался двойной высокий писк. Контейнер был запечатан.

Софья извлекла оба накопителя, передала один Надежде, а второй убрала в персональный металлический пенал с кодовым замком. Надежда тут же спрятала свой ключ во внутренний карман жакета на молнии.

— Процедура завершена, — произнесла Веденеева, надевая тонкие тканевые перчатки без ворса. — Начинаем этап сквозной сверки.

Она открыла рабочий сектор экрана.

Слева отобразилась структура заводского архива «Веритас Мед» за 2016 год — десятки гигабайтов исходного программного кода, инженерных журналов, отчетов о сборке печатных плат и поверочных таблиц. Справа открылись наши депонированные файлы: технические описания версий 17 и 19, а также калибровочные таблицы, фигурировавшие в анонимном письме под индексом 18.02.

— Запускаю процедуру сопоставления контрольных сумм релизов, — тихо сказала Софья.

Началась сверка.

Время в изолированной комнате словно загустело, превратившись в холодный серый кисель. Вентиляция монотонно шумела над головой, вытягивая воздух. На мониторе бежала шкала прогресса: десять процентов, сорок, семьдесят.

Первый документ: спецификация версии семнадцать, поданная регулятору в апреле шестнадцатого года. Програм-

ма выдала короткую зеленую строчку: «Контрольная сумма совпадает с заводским эталоном на сто процентов».

Это было ожидаемо. Версия семнадцать существовала официально, стояла в открытом реестре, на нее не жаловались.

Второй документ: спецификация версии девятнадцать, зарегистрированная в декабре того же года. Снова зеленая строка: «Контрольная сумма совпадает. Исходный код идентичен утвержденному промышленному образцу».

А вот дальше началось то, ради чего мы здесь собрались.

Софья перешла к третьему объекту — сводному историческому журналу внесения изменений в базовое программное обеспечение комплекса «Линия-М». Это была толстая цифровая книга, в которую главный разработчик обязан заносить каждый шаг: от исправления запятой в меню оператора до полной смены алгоритма оптической фильтрации.

Веденеева развернула временную шкалу с мая по ноябрь шестнадцатого года.

Ее пальцы на мгновение замерли над клавиатурой. Женщина, которая за свою карьеру видела банкротства крупнейших банков и миллионные приписки в холдингах, медленно выпрямила спину.

— Посмотрите сюда, — негромко сказала она.

Мы с Надеждой одновременно привстали, наклонившись к экрану.

На временной шкале между двадцать пятым апреля и че-

тырнадцатым декабря шестнадцатого года не было записей. Официальный реестр не врал: на бумаге компания словно ушла на каникулы на восемь месяцев.

Но в заводской базе данных этот разрыв выглядел иначе.

Там стояла отметка об удалении системного каталога. Прямо посередине временного отрезка, датированная двадцать восьмым июля шестнадцатого года.

Индекс удаленной ветки разработки значился как «Сборка 18.02».

Самих файлов внутри не было. Тот, кто проводил зачистку, вычистил исполняемые библиотеки и исходные бинарные коды дочиста. На сервере завода версия восемнадцать физически отсутствовала — осталась лишь пустая цифровая оболочка, призрак удаленной папки.

Но тот, кто чистил базу, допустил одну фатальную небрежность. Небрежность, которую совершают почти все, кто пытается задним числом переписать историю сложных инженерных систем.

Они стерли саму сборку восемнадцатой версии. Но они забыли почистить журнал зависимостей в девятнадцатой.

Софья открыла текстовый манифест декабрьского релиза — того самого, который сейчас работал на тысячах диагностических станций по всей России. Быстро прокрутила сотни служебных строк вниз, к разделу системных требований и преемственности архитектуры.

Там, в самом конце, серым шрифтом комментариев разра-

ботчика, черным по белому было прописано: «Алгоритм фотометрической компенсации модифицирован. Базовая калибровочная сетка импортирована из предварительного релиза 18.02 без изменений. Пределы допустимой оптической плотности сохранены в соответствии с внутренним решением от 15 июля 2016 года».

Я перечитала строку дважды. В горле встал сухой, колющий ком.

Это было оно.

Прямое, неустранимое, документально зафиксированное доказательство.

Девятнадцатая версия не родилась из семнадцатой. Между ними не было плавного эволюционного перехода. Девятнадцатая версия была построена на фундаменте восемнадцатой — той самой сборки, которой якобы никогда не существовало в природе, которую вымарали из государственных реестров и вычистили из заводских цехов!

Калибровки с заниженной на двенадцать процентов чувствительностью датчиков не просто существовали на бумаге обиженного инженера. Их взяли из удаленной сборки 18.02 и целиком, без изменений, зашили в девятнадцатую версию. В ту самую, которая пошла в массовое серийное производство. В ту самую, по результатам анализов которой врачи годами выписывали пациентам бланки с заключением: «Патологических изменений не выявлено».

— Разрыв подтвержден, — голос Надежды прозвучал глу-

хо, словно из-под толщи воды. — Официальная версия девятнадцать прямо ссылается на параметры удаленной сборки восемнадцать. Это уже не похоже на техническую опечатку регулятора. Параметры промежуточной сборки сознательно перенесли в официальный релиз, а сама версия исчезла из открытой истории изменений.

Софья Андреевна медленно сняла перчатки, бросила их на стол и посмотрела на экран.

Ее лицо было белым, как мел. Женщина, видевшая сотни аудиторских отчетов, понимала масштаб катастрофы лучше нас обеих.

— Вы понимаете, что это значит, Арина Ильинична? — спросила она очень тихо.

— Понимаю, — ответила я. Мои руки мелко дрожали, но я заставила себя сцепить пальцы на коленях. — Это значит, что комплекс «Линия-М» фальсифицирован на уровне базового алгоритма. И эту фальсификацию покрывали десять лет.

— И это значит, — продолжила Софья, — что в пятницу утром, по истечении ваших семидесяти двух часов, я обязана положить на стол комитета кредиторов официальный протокол о выявлении критического регуляторного дефекта. У кредиторов появится формальное основание потребовать временного ограничения по сделке и созвать экстренный комитет. Параллельно материалы уйдут регулятору: до проверки он сможет ограничить применение спорной версии

комплекса.

Она подключила портативный термопринтер. Механизм сухо, отрывисто зажужжал, выталкивая промежуточный протокол сверки данных.

Три страницы. На первой — фиксация хэш-сумм. На второй — подтверждение соответствия файлов семнадцатой и девятнадцатой версий. На третьей — выписка из журнала зависимостей с прямой ссылкой на удаленную сборку 18.02 и отметкой о разрыве хронологии.

Софья подписала каждую страницу своим четким, каллиграфическим почерком. Затем передала листы Надежде. Надежда расписалась следом, проверив каждый входящий индекс.

Последней подпись ставила я. Мой росчерк лег рядом с их автографами — резкий, угловатый, окончательный.

Один экземпляр протокола лег в картонную папку независимого аудита. Второй забрала Надежда в синий редакционный бювар. Третий, в соответствии с условиями четырехстороннего взаимодействия, предназначался для генерального директора.

Но самого архива Корнеев не получал.

Исходные файлы остались надежно заперты внутри криптографического контейнера на терминале. Ни Софья не могла извлечь их без Надежды, ни редакция не могла изменить их без Софьи. Мы разделили контроль пополам — и тем самым сделали эти доказательства неуязвимыми для любого

давления снаружи.

— Максим Алексеевич уже знает? — спросила я, когда Надежда убирала документы.

— Нет, — ответила Веденеева, выключая терминал. Стекланный экран погас, комната погрузилась в полумрак, освещаемая только потолочными диодами. — Генеральный директор получит свой экземпляр протокола через полчаса, с официальным курьером. Никаких телефонных звонков и предварительных обсуждений. Таковы правила независимого аудита.

Я поднялась со стула. Ноги гудели от долгого сидения, но внутри разливалась странная, ледяная собранность.

Мы выиграли этот раунд. Мы доказали то, что казалось невероятным: разрыв реален, восемнадцатая версия существовала, а приборы в больницах работают на алгоритме с заниженной чувствительностью.

Но перед самым выходом из комнаты мой взгляд снова упал на распечатку промежуточного отчета, которую Надежда держала в руках.

В графе примечаний к строке об удалении сборки 18.02 стояла короткая служебная ремарка, скопированная из заводского журнала изменений. Мелким, почти незаметным шрифтом: «Основание: приказ по опытно-конструкторскому бюро от 26 июля 2016 года. Служебная записка ведущего инженера-разработчика биохимического сектора».

Ниже стоял пустой прочерк там, где должна была быть фа-

миллия. Инициалы были затерты системным администратором еще тогда, десять лет назад.

Осталась только одна буква и точка.

«Ведущий инженер И...»

Я замерла в дверях. Сердце пропустило удар, а затем заколотилось тяжело, с глухой, отдающей в уши болью.

Одна буква ничего не доказывала. Инициал мог принадлежать кому угодно. Но у удаленной сборки впервые появился человеческий след: служебная записка конкретного ведущего инженера, чью фамилию кто-то постарался стереть из журнала.

Кто написал эту записку? Зачем имя убрали из системы? Это был человек, который хотел скрыть брак датчиков перед государственными испытаниями — или тот, кто пытался этому помешать?

До истечения семидесяти двух часов оставались сутки. И расследование только что получило новую задачу.

Найти имя за буквой «И».

Глава 8

Максим

Одиннадцать тяжелых кожаных кресел вокруг овального стола из мореного дуба. Одиннадцать человек, чьи совокупные подписи управляли миллиардными потоками, сотнями патентов и десятками производственных линий по всей стране.

В зале заседаний совета директоров на сорок третьем этаже стояла та особенная, приглушенная тишина, которая бывает перед затяжной грозой. За панорамным остеклением висел плотный, белесый туман пятого октября, сквозь который даже верхушки соседних высоток Сити казались размытыми серыми тенями. На столе не было лишних бумаг — только тонкие планшеты закрытой корпоративной сети, хрустальные графины с ледяной водой и узкие блокноты с тисненными золотыми гербами.

Перед моим местом лежал единственный бумажный документ.

Промежуточный протокол сверки данных, доставленный вчера вечером курьером от Софьи Веденеевой в запечатанном сейф-пакете. Три страницы плотной матовой бумаги с живыми подписями синими чернилами.

Я знал этот текст почти наизусть.

Цифровой разрыв между семнадцатой и девятнадцатой

версиями подтвердился официально. Версия девятнадцать, стоящая сегодня в тысячах диагностических станций, напрямую импортировала калибровочную сетку из удаленной сборки восемнадцать точка ноль два. А в графе основания для зачистки старого каталога значилась служебная записка ведущего инженера опытно-конструкторского бюро, от имени которого системный администратор оставил лишь одну букву с точкой: «И.».

Кто стоял за этим инициалом, протокол не сообщал. Но сам факт того, что удаленная версия существовала физически, висел над этим залом, как занесенный топор палача.

Во главе стола сидел Виктор Савельев.

Сегодня он надел темно-синий костюм из шерсти высшей категории, шелковый галстук холодного графитового оттенка и запонки из черного оникса. В его позе не осталось и следа от вчерашнего бешенства, когда провалилась грубая медийная провокация с поддельным роликом. Виктор умел держать удар. Он перестроился за ночь: лицо выражало скорбную государственную озабоченность, руки лежали на полированном дереве расслабленно, пальцы касались позолоченной ручки.

Справа от него сидели четверо частных акционеров из его ближнего пула — люди, с которыми он начинал бизнес еще в начале двухтысячных. Слева — трое представителей банковского синдиката, держатели залоговых обязательств компании, во главе с Кириллом Вороновым, человеком с внеш-

ностью университетского профессора и повадками хладнокровного ликвидатора. И еще два независимых директора, представлявших профильные фонды.

Одиннадцатым был я. Временный генеральный директор с одним-единственным голосом и контрактом, который Савельев спал и видел разорванным.

— Коллеги, кворум имеется, — негромко, но веско произнес Савельев, открывая внеочередное заседание. — На повестке дня вопрос, не терпящий отлагательств: действия единоличного исполнительного органа в условиях критической предпродажной подготовки компании.

Он сделал короткую паузу, обеда присутствующих тяжелым, доверительным взглядом.

— За последние сорок восемь часов наша компания подверглась скоординированной информационной атаке. Началось все с запроса профильного онлайн-издания, продолжилось провокационными вбросами в отраслевых каналах. Но вместо того чтобы задействовать юридический департамент и локализовать конфликт в правовом поле, наш временный генеральный директор Максим Алексеевич Корнеев пошел на беспрецедентный шаг.

Виктор нажал кнопку на панели управления, и на центральном настенном экране вспыхнул текст моего распоряжения о допуске независимого аудита к закрытым историческим базам завода.

— Максим Алексеевич единолично, без санкции совета

директоров, расширил полномочия группы госпожи Веденеевой, — голос Виктора звенел искренней болью за судьбу предприятия. — Он открыл внешним проверяющим доступ к консервированным инженерным архивам десятилетней давности. Более того, по нашим сведениям, генеральный директор провел закрытые консультации с автором запроса и заключил с редакцией некое соглашение о совместной фиксации параметров.

За столом послышался глухой ропот. Представители частных акционеров переглянулись с демонстративным возмущением.

— К чему это привело? — продолжил Савельев, повысив голос. — По рынку поползли слухи. Потенциальные покупатели контрольного пакета уже запросили внеочередную встречу с инвестиционными консультантами. Они нервничают. Если мы допустим утечку внутренних технических протоколов, оценка капитализации «Веритас Мед» рухнет минимум на тридцать процентов. А в худшем случае — сделка развалится, оставив нас один на один с многомиллиардными обязательствами перед банками.

Виктор повернулся ко мне. Его глаза сузились:

— Я считаю действия генерального директора деструктивными, превышающими пределы его мандата и несущими прямой вред интересам акционеров. В связи с чем я вношу на голосование проект постановления из трех пунктов. Первый: отозвать расширенный мандат независимой группы Ве-

денеевой. Второй: передать все материалы проверки во внутренний юридический департамент холдинга для подготовки аргументированного ответа регулятору и прессе. И третий: обязать генерального директора согласовывать любые публичные и процессуальные шаги лично с председателем совета.

Тишина, наступившая после его слов, была почти осязаемой.

Это был идеальный корпоративный капкан. Савельев не требовал моего немедленного увольнения прямо сейчас — он понимал, что банки не позволят обезглавить исполнительное руководство в разгар сделки. Он делал тоньше: он отбирал у меня инструменты, лишал расследование независимости и прятал концы в воду силами штатных юристов, которые получали у него зарплату.

Если совет проголосует за этот проект, Веденееву выставят за дверь через час. Ее выводы заблокируют под предлогом защиты коммерческой тайны, Арине пришлют юридическую отписку, а через две недели Виктор спокойно подпишет документы о продаже, положив на свои офшорные счета сотни миллионов долларов и оставив новых владельцев разгребать фальсифицированные приборы в онкодиспансерах.

Все взгляды скрестились на мне.

Я не стал торопливо вскакивать или оправдываться. Медленно расстегнул пуговицу пиджака, положил ладони на прохладный дубовый стол и встретил взгляд Кирилла Воро-

нова из банковского синдиката.

— Виктор Сергеевич очень убедительно говорил об угрозе капитализации, — произнес я, удерживая голос на той низкой, спокойной частоте, которая всегда заставляет людей вслушиваться. — Но он сознательно опустил главную причину, по которой возник этот кризис.

Я взял со стола распечатку промежуточного отчета Веденеевой.

— Вчера группа независимого аудита завершила первый этап сверки депонированных параметров. Вот этот документ. Копии уже загружены в ваши защищенные терминалы. Посмотрите сами.

Члены совета зашелестели пальцами по стеклам планшетов. Воронов открыл файл первым, его седые брови медленно поползли вверх.

— Это не газетная утка, господа, — продолжил я, чеканя каждое предложение. — Спецификация девятнадцатой версии программного обеспечения комплекса «Линия-М», зарегистрированная регулятором в декабре шестнадцатого года, прямо ссылается на базовую калибровочную сетку удаленной версии восемнадцать точка ноль два. Той самой, которой, по официальным заверениям нашей пресс-службы, никогда не существовало. И в этой сетке чувствительность оптических сенсоров занижена на двенадцать процентов.

Один из частных акционеров, пожилой металлургический инвестор Громов, нервно кашлянул:

— Что это значит технически, Максим Алексеевич?

— Технически это значит, что прибор имеет системную слепую зону при анализе ранних маркеров клеточных патологий, — ответил я, глядя прямо на Громова. — И если эта информация выйдет наружу не от нас, а через журналистское расследование с подтвержденными аудиторскими выводами, Росздравнадзор может приостановить применение и обращение комплексов на время проверки. Эксплуатацию спорной версии остановят по всей стране. А следственные органы могут возбудить уголовное дело по факту обращения опасных медицинских изделий и сокрытия сведений об угрозе жизни и здоровью.

— Это домыслы! — резко перебил Савельев, его пальцы сжались в кулак. — Никто не доказал, что удаление сборки имело криминальный характер! Это могла быть промежуточная инженерная калибровка, от которой отказались именно из-за нестабильности результатов!

— Если от нее отказались, почему ее параметры зашили в серийный девятнадцатый релиз? — я парировал удар мгновенно, не повышая тона. — Почему этот факт скрыли при государственной сертификации? И главное: почему основанием для удаления ветки в шестнадцатом году послужила записка разработчика, имя которого стерто из заводских систем?

Савельев дернул щекой. Он явно не ожидал, что аудиторский протокол содержит настолько конкретные выписки.

— Вот именно поэтому, — я повернулся к представителям банков, — проверку нельзя передавать внутренним юристам компании. Если сейчас штатные юристы Савельева запрутся в кабинетах и выпустят бумагу о том, что у нас все хорошо, покупатели расценят это как попытку скрыть критический дефект актива. Банки-кредиторы потеряют обеспечение. А члены совета директоров, проголосовавшие за сворачивание независимого аудита, станут фигурантами дел о субсидиарной ответственности в рамках неизбежного банкротства.

Кирилл Воронов медленно снял очки, протер их тонким платком и посмотрел на Савельева:

— Максим Алексеевич абсолютно прав, Виктор Сергеевич. Синдикат банков не поддержит отзыв мандата Веденевой. Софья Андреевна — аудитор с международной аккредитацией, утвержденный кредитным комитетом. Если мы сейчас попытаемся заткнуть ей рот или подменить ее отчет внутренней запиской ваших клерков, кредиторы завтра в девять утра объявят технический дефолт по всем действующим линиям финансирования.

Повисла мертвая тишина. Савельев побледнел, но не сдался. Он понял, что прямая лобовая атака на аудит провалилась, и мгновенно перестроил линию обороны:

— Хорошо. Допустим, мы сохраняем внешний контур проверки. Но мы не можем позволить аудиту работать в режиме бесконтрольного блуждания по нашим коммерческим

тайнам. У Веденеевой сейчас абсолютная свобода действий. Она может в любой момент выдать промежуточную справку в редакцию или кредиторам, спровоцировав панику на бирже.

Виктор подался вперед, глядя на меня с тяжелой, ядовитой улыбкой:

— Если генеральный директор так радуется за компанию, пусть продемонстрирует это делом. Я предлагаю компромиссную резолюцию: группа Веденеевой продолжает работу, но все ее промежуточные отчеты, рабочие гипотезы и формулировки заключений подлежат обязательной предварительной вычитке и согласованию со стороны генерального директора. Максим Алексеевич получает право предварительного вето на любые выводы аудита до момента их официальной передачи кредиторам и прессе.

Воздух в зале словно сгустился.

Несколько директоров одобрительно закивали. Даже Громов вздохнул с видимым облегчением:

— Разумно. Руководитель компании должен иметь возможность отфильтровать сырые данные, чтобы исключить панику. Максим Алексеевич, вы же не против контролировать процесс?

Это была самая изощренная ловушка из всех возможных.

Мне предлагали власть. Полный, единоличный контроль над расследованием.

Если бы я согласился, я получил бы право цензурировать

Веденееву. Вычеркивать неудобные абзацы, сглаживать формулировки, прятать собственные старые промахи. Я мог бы сделать отчет гладким, безопасным для себя, удержать компанию на плаву и выйти сухим из воды.

Но именно это искушение контролем шесть месяцев назад толкнуло меня в пропасть.

Тогда я тоже думал, что смогу всё проверить сам. Что я имею право закрыть информацию на семьдесят два часа, чтобы спасти баланс. И цена той ошибки до сих пор жгла мне горло.

А кроме того, перед глазами стояло вчерашнее утро в стерильной экспертной комнате. Арина Лаврова, сжимающая ремень сумки, преодолевающая собственный страх и соглашающаяся разделить секрет на два ключа. Женщина, которая рискнула всем ради того, чтобы контроль не принадлежал никому единолично.

Если я сейчас соглашусь взять аудит под свое крыло, я предам не только процедуру. Я разрушу то единственное, на чем держалось наше хрупкое равновесие. Я стану тем самым цензором, с которым она привыкла воевать.

Я поднял глаза и посмотрел Савельеву прямо в лицо:

— Я отказываюсь от этого предложения.

В зале кто-то шумно втянул воздух. Виктор замер с полукруглым ртом.

— Что вы сказали? — переспросил Громов, недоверчиво шурясь.

— Я отказываюсь от предварительного просмотра и согласования выводов независимого аудита, — четко, отдельно произнес я. — Настоящий аудит существует только тогда, когда менеджмент не имеет права править его отчеты. Как только генеральный директор получает право вето на формулировки экспертов, аудит превращается в заказную фальшивку. Ни я, ни Виктор Сергеевич, никто в этом зале не должен иметь возможности вмешиваться в выводы Веденеевой. Ее отчет пойдет напрямую двум адресатам: специальному комитету кредиторов и редакции издания, направившего официальный запрос. В том виде, в каком она его подпишет. Без единой моей правки.

— Корнеев, ты в своем уме?! — не выдержал Савельев, встав с кресла. — Ты отдаешь судьбу холдинга в чужие руки! Ты добровольно выбрасываешь рычаг управления!

— Я отдаю проверку закону и регламенту, — отрезал я. — Управлять компанией — не значит прятать трупы в шкафу, Виктор Сергеевич. Ставьте вопрос на голосование. Моя позиция неизменна: аудит остается абсолютно независимым.

Воронов молча постучал костяшками пальцев по столу, затем нажал кнопку голосования на своем терминале:

— Банковский синдикат поддерживает позицию генерального директора. Полная независимость группы Веденеевой без права вмешательства менеджмента. Три голоса «за».

Я нажал свою кнопку:

— Четыре.

Два независимых директора после секундного колебания переглянулись и тоже зажгли зеленые индикаторы на панелях:

— Шесть голосов. Большинство.

Савельев медленно опустился обратно в кресло. Его лицо потемнело от ярости, но он не был бы председателем совета, если бы не умел мгновенно наносить ответный, смертоносный контрудар.

— Прекрасно, — произнес он с ледяным спокойствием, в котором сквозила ядовитая ненависть. — Если генеральный директор так уверен в стерильности внешнего аудита, совет директоров обязан защитить финансовые интересы акционеров от бесконечного затягивания процесса. У инвесторов есть пределы терпения. Они не станут ждать, пока госпожа Веденеева перевернет каждую бумажку за последние десять лет.

Он обвел взглядом своих частных инвесторов:

— Я вношу встречное, безальтернативное решение. Окончательное заседание совета директоров по одобрению сделки по продаже контрольного пакета назначается на восемнадцатый день этого месяца. Ровно в двенадцать ноль-ноль. Это тринадцать календарных дней с сегодняшнего утра.

Я почувствовал, как внутри все натянулось, словно трос под критической нагрузкой. Тринадцать дней. Он сокращал временной коридор до предела.

— К этому моменту, — продолжал Виктор, чеканя каждое слово, — аудит обязан представить окончательное заключение. Если к полудню восемнадцатого дня группа Веденеевой не предоставит юридически неопровержимых, доказанных фактов умышленной фальсификации серийных комплексов, сделка будет закрыта автоматически. А временный контракт генерального директора Корнеева — прекращен в связи с истечением переходного периода.

— Это слишком жесткий срок для проверки столь сложного объекта, — возразил я.

— Инвесторы не дадут нам больше ни одного дня! — рявкнул Савельев, впервые сорвавшись на крик. — Либо мы подписываем контракт восемнадцатого числа, либо они уходят к конкурентам, и компания идет под конкурсное производство! Банки согласны с дедлайном?

Воронов нахмурился, быстро посовещался шепотом с сидевшими рядом аналитиками и тяжело вздохнул:

— Синдикат кредиторов заинтересован в закрытии сделки. Тринадцать дней — достаточный срок для завершения технологической экспертизы. Мы поддерживаем фиксацию даты на восемнадцатый день.

Панель голосования вспыхнула девятью зелеными огнями. Против проголосовал только я.

— Решение принято, — Савельев захлопнул кожаную папку с сухим, победным стуком. — Заседание закрыто, господа. Максим Алексеевич, у вас и ваших независимых экс-

пертов осталось тринадцать суток. Секундомер включен.

Директора начали не спеша подниматься из-за стола, собирая планшеты и тихо переговариваясь. Виктор даже не посмотрел в мою сторону — он прошел мимо меня к выходу с той надменной, небрежной уверенностью победителя, который только что зажал жертву в угол.

Я остался в пустом зале один.

Аудит больше не принадлежал мне. Я сам, своими руками, отдал право влиять на его выводы. Теперь я был таким же внешним наблюдателем перед отчетом Веденеевой, как и любой другой акционер. Но цена этого шага была ясна: времени нам оставили в обрез. Восемнадцатый день станет финальной чертой.

Я спустился на сорок второй этаж к себе в кабинет.

Там меня уже ждал Артём Белецкий. Начальник безопасности стоял у книжного шкафа с распечатанным системным журналом в руках.

— Как прошло заседание, Максим Алексеевич?

— Аудит отстояли, — я бросил пиджак на спинку кресла и налил себе стакан холодной воды. — Но Савельев протащил жесткий дедлайн. Совет по сделке назначен на восемнадцатый день. Если к этому моменту у нас не будет железных доказательств подлога, компанию продадут, а нас закатают в асфальт. Что у тебя по консервации периметра?

Белецкий подошел к столу и положил распечатку передо мной:

— Цифровой контур завода заблокирован надежно. Все серверы разработки, репозитории и базы калибровок с четырнадцатого по восемнадцатый год переведены в режим чтения. Любая попытка доступа мониторится в реальном времени. Люди Савельева туда не сунутся — это мгновенно оставит след в протоколе.

— Хорошо, — я сделал глоток воды. Горло саднило от долгого спора на совете.

— Не совсем хорошо, Максим Алексеевич, — тихо произнес Артём.

Я поднял на него глаза. Взгляд Белецкого был непривычно сумрачным.

— В чем дело?

— Мы консервировали цифровые серверы, — Артём указал пальцем на нижнюю строчку в журнале перемещения материальных ценностей. — Но вчера вечером Софья Андреевна прислала мне закрытый запрос. Ей нужны не только виртуальные дампы баз. Ей нужны оригиналы первичных инженерных документов шестнадцатого года. Те самые заводские журналы сборки опытных образцов с физическими подписями разработчиков и та самая служебная записка инженера с инициалом «И.».

— И где они? — спросил я, чувствуя, как внутри нарастает холодное беспокойство. — В центральном архиве завода?

— Нет, — Белецкий покачал головой. — Два года назад, в рамках программы оптимизации площадей, весь бу-

мажный фонд опытно-конструкторского сектора за четырнадцатый–шестнадцатый годы был вывезен из Москвы. Он находится в региональном объединенном архивном центре в Подмосковье. В полутора-два километрах отсюда.

Я медленно опустил стакан на стол.

— Этот архивный центр входит в наш цифровой контур безопасности?

— Нет, — отчеканил Белецкий. — Это государственное-частное хранилище длительного содержания. Там нет электронных систем консервации. Там обычные стеллажи, картонные коробки и журналы выдачи на вахте под роспись. И наш приказ о блокировке серверов на них юридически не распространяется.

Пазл сошелся в одну пугающую картину.

Савельев так легко отступил на совете директоров не потому, что испугался банков. И дедлайн на восемнадцатый день он выставил не просто так.

Он знал.

Он прекрасно знал, что в цифровых базах завода остались лишь подчищенные огрызки, где фамилии стерты до одной буквы. А единственное место, где сохранились подлинные бумажные документы с живыми чернилами, реальными фамилиями разработчиков и оригиналом той самой служебной записки, — это старый архивный склад в Подмосковье, до которого еще нужно добраться.

И этот склад прямо сейчас оставался абсолютно откры-

тым и незащищенным.

Если люди Савельева доберутся туда раньше нас, пара картонных коробок случайно сгорит при коротком замыкании или потеряется при очередной плановой ревизии. И тогда девятнадцатая версия навсегда останется единственной официальной правдой.

Я посмотрел на часы на стене.

Шел пятый день. До заседания совета оставалось тринадцать суток. А до того момента, когда огонь или чужие руки уничтожат последние следы восемнадцатой версии, могли оставаться считанные часы.

Я подошел к столу и снял трубку защищенной связи:

— Артём, готовь служебную машину и официальное командировочное предписание на мое имя и группу аудита. Нам нужно быть в этом архиве раньше, чем там появится хоть одна чужая подпись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.